Развитие статистики окружающей природной среды - от XIX к XXI веку (краткий обзор)

Александр Дмитриевич Думнов

Национальное информационное агентство «Природные ресурсы», г. Москва, Россия

Данная статья, подготовленная автором в связи со 100-летним юбилеем журнала «Вопросы статистики» (до 1994 г. - «Вестник статистики»), посвящена ретроспективному анализу предпосылок, этапа создания и развития отечественной статистики природных ресурсов и охраны окружающей среды (отдельные темы рассматриваемой статистики преимущественно современного периода освещались в журнале). В первой части статьи отражены вопросы генезиса статистики природных ресурсов на примере статистики земельных ресурсов и землепользования, а также лесных ресурсов и лесопользования. Что касается учетно-статистического отражения земельных ресурсов и землепользования, то указанное ретроспективное исследование охватывает период с XVII века и в более развернутом виде - со второй половины XVIII века. Приводятся оценки результативности учетных работ, начатых по специальному указу Екатерины II от 1765 г. выдающимися отечественными статистиками Д.П. Журавским и Ю.Э. Янсоном. Прокомментированы главные характеристики поземельных переписей 1877-1878, 1887 и 1905 гг., проведенных в Российской империи. Исследованы основные этапы и особенности учетно-отчетной (в том числе переписной) деятельности в рассматриваемой сфере в советский и постсоветский периоды.

При изложении проблем учетно-статистического отражения лесных ресурсов и лесопользования обращено внимание на то, что изменения в ведомственной подчиненности объектов статистического наблюдения приводили к реформированию подходов к учетной деятельности. Автором уделено внимание вопросам детального описания первичного учета леса на корню. Раскрыты специфические трудности лесо-учетных работ и соответствующего статистического отражения их в советский и современный периоды.

Во второй части статьи анализируются отдельные детали и специфические особенности становления и развития статистики охраны окружающей природной среды в Росссийской империи, СССР (РСФСР) и современной Российской Федерации. При этом отмечаются как достижения, полученные на том или ином этапе, так и имевшие место недостатки. Подчеркивается преемственность осуществляемых методологических разработок и организационных мероприятий, накопления опыта практического внедрения различных методов статистического наблюдения и форм статистической отчетности. Указывается на зависимость качества и уровня организации учета и статистики в рассматриваемой сфере от эффективности общего государственного управления рационализацией природопользования и охраной окружающей природной среды. Систематизирована информация о формах статистической отчетности в рассматриваемой сфере как в системе общегосударственной статистики, так и по линии министерств и ведомств природно-ресурсного/природоохранного блока.

Дается краткий анализ основных статистических данных, отражающих деятельность по охране окружающей среды и характеризующих состояние и динамику отечественных природных ресурсов за период 1976-1990 г. и более детально - за период 1991-2017 гг.

Среди главных недостатков последних лет в том числе выделено снижение востребованности со стороны руководящих органов качественной информации, недостаточная квалификация при подготовке общегосударственных документов, включающих те или иные природоохранные показатели, и т. п.

В статье сделаны итоговые выводы и сформулированы отдельные предложения по совершенствованию информационностатистического обеспечения управленческой деятельности по охране окружающей среды, сохранению и восстановлению природных ресурсов.

Ключевые слова: статистика природных ресурсов, статистика окружающей среды, учет земель, лесоустройство, статистика охраны окружающей природной среды, формы статистического наблюдения, статистический анализ, достоверность статистических данных, востребованность в объективной информации, статистическая грамотность, уровень компетенции.

JEL: C40, Q24, Q25, Q50.

Для цитирования: Думнов А.Д. Развитие статистики окружающей природной среды - от XIX к XXI веку (краткий обзор). 2019;26(1):44-70.

Development of the Natural Environment Statistics from the XIX to the XXI Century (A Brief Review)

Aleksandr D. Dumnov

National Information Agency «Natural Resources», Moscow, Russia

This article was prepared to commemorate the 100th anniversary of the journal «Voprosy statistiki» (up to 1994 - «Bulletin of Statistics»). It deals with retrospect analysis of the background and milestones of establishment and development of Russian natural resources and environmental statistics (the journal delved into some of its aspects relating mostly to the modern stage).

The material consists of two parts. First - contains the genesis of natural resources statistics using the example of land resources and land use, as well as forest resources and forest use. As for the accounting and statistical reflection of land resources and land use, this retrospective study covers the period from the XVII century and then in more detail from the XVIII century. The author assesses statistical recording done by the outstanding Russian statisticians Zhuravsky D.P. and Janson Y.E. on the special decree of Catherine II from 1765. The article reviews the fundamental characteristics of 1877-1878, 1887 and 1905 land censuses in the Russian Empire. The paper presents the main stages and features of recording and reporting (including census) activities in this field in the Soviet and post-Soviet periods.

When introducing accounting and statistical reflection of forest resources and forest use the author focuses on changes in the departmental hierarchy of statistical units that led to revisions of approaches to accounting. There also is a detailed description of the original entry of data on standing timber. The paper references specific difficulties associated with the statistical treatment of forest accounting in the Soviet and modern period.

The second part of the article addresses the details and specific features of the formation and development of natural environment protection statistics in the Russian Empire, the USSR (RSFSR) and the modern Russian Federation. It notes both the achievements made at a given stage and the shortcomings that have occurred. There has been a continuity in methodological developments and organizational arrangements, acquiring practical experience in implementing various methods of statistical observations and forms of statistical reporting (surveying). The article indicates that the quality of the relevant accounting and statistics depends on the performance of the general public administration related to efficient use of the resources and natural environment protection. The information on forms of statistical reporting in this field is organized covering both the system of federal statistics and ministries and departments of the natural resource/environment protection block.

The article briefly overviews primary environmental data depicting the state and dynamics of Russian natural resources for 1976-1990, and in more detail for 1997-2017.

Decreasing demand for quality data from governing bodies, the insufficient qualifications of those who work with the national documents that, for example, include specific environmental indicators, was among the major drawbacks of recent vears.

The author presented conclusions and proposals on improving information and statistical support of environmental management, maintaining and restoring natural resources.

Keywords: statistics of natural resources, environmental statistics, land accounting, forest management, statistics of environmental protection, forms of statistical observation (survey), statistical analysis, reliability of statistical data, demand for objective information, statistical literacy, level of statistical qualification and professionalism.

JEL: C40, Q24, Q25, Q50.

For citation: Dumnov A.D. Development of the Natural Environment Statistics from the XIX to the XXI Century (A Brief Review). Voprosy statistiki. 2019;26(1):44-70. (In Russ.)

В начале статьи автор хотел бы поздравить со 100-летним юбилеем коллектив редакции одного из старейших экономических изданий страны - журнала «Вопроса статистики». Юбилей журнала дает возможность рассмотреть не только отдельные аспекты его становления, развития или периодизации публикуемых в нем статей и материалов. Появляются также логически связанные с этим возможности по исследованию тех или иных аспектов социально-экономической статистики в длительной ретроспективе. В этой связи в настоящей статье предлагаются к рассмотрению некоторые материалы, посвященные истории становления и развития статистики природных ресурсов, природопользования и негативного воздействия на окружающую природную среду и ее охраны (далее - статистики ОПС).

В качестве вводного замечания целесообразно отметить следующее. В редакционной статье первого номера восстановленного в соотвествии с Постановлением Совета Министров СССР от 10 августа 1948 г. издания журнала, то есть в «Вестнике статистики» № 1 за 1948 г., отмечалось, что одним из главных недостатков в этот период являлось «отсутствие статистики природных ресурсов» Этот редакционный материал послужил, естественно, в дополнение и развитие положений самого Постановления, своего рода провозвестником оперативных действий общеорганизационного, теоретического и практического порядка, проведенных в стране в рассматриваемой области.

Небезынтересно, что в той же редакционной статье подчеркивалось следующее. Все мероприятия (в том числе по статистике природных ресурсов), которые предстояло осуществить во исполнение упомянутого Постановления, должны были основываться на нескольких базовых принципах, как-то: а) «ЦСУ должно давать объективные данные, свободные от какого бы то ни было предъвзятого мнения»; б) социально-экономическая статистика не должна превращаться в «статистику людей, которым велено кричать ура»; в) на некоторых других аналогичных постулатах².

Становление и генезис статистики природных ресурсов

Становление и постепенное развитие учета и соответствующей статистики в области природных ресурсов целесообразно проследить на примере земельных и лесных ресурсов. Кроме того, было бы полезно кратко рассмотреть генезис статистики охраны ОПС (включая вопросы рационализации природопользования). При этом автор отнюдь не претендует на исчерпывующие полноту, комплексность и детализацию такого анализа: для этого потребуется целый ряд обширных исследований. В данном случае были отобраны реперные (то есть ключевые, по мнению автора) аспекты.

Земельные ресурсы. Исходя из ограничений объема настоящей статьи, уже в самом ее заголовке было предложено рассматривать соответствующие вопросы начиная с XIX века. Тем не менее применительно к земельным ресурсам предвестники учетно-статистических мероприятий в нашей стране появились еще в XV веке. В XVI веке было создано специальное учреждение -Поместный приказ, ставшее общегосударственным руководящим центром, осуществлявшим в том числе учет и описание земель. Этот приказ объединил проведение различных межевых, кадастровых и крепостных работ (пусть и на весьма архаичном уровне того периода). Описания земель проводились лицами, называвшимися писцами, дозорщиками и мерщиками. Писцовый наказ 1622 г. возлагал на писцов измерение пашни, перелогов, сенокосов, лесов и других угодий [1, с. 1-14].

Во второй половине XVIII века возникла необходимость в получении гораздо более достоверных, полных и детализированных данных о землях, которыми владело дворянское сословие; об участках и территориях, которые оставались еще нераспределенными; и др. В этой связи Екатериной II в 1765 г. был издан манифест о генеральном межевании (отдельные работы в этой области были начаты примерно за 10 лет до указанного года). Данное межевание официаль-

¹ Как известно, в соответствии именно с этим правительственным Постановлением Центральное статистическое управление (ЦСУ) было выделено из состава Госплана СССР в особое ведомство // Вестник статистики. 1949. № 1. С. 3.

² См. там же. С. 5 и 6.

но проводилось в 1765-1780 гг., хотя фактически оно не было закончено более полувека спустя и продолжалось в последующие годы.

В этой связи выдающийся отечественный ученый и практик, один из патриархов отечественной статистики Д.П. Журавский отмечал в 40-х годах XIX века: «Установление границ между разными владениями всегда сопряжено было с величайшими затруднениями, отчасти по несовершенству землемерских средств, а более по естественному расположению человека увеличивать свою собственность за счет собственности ближнего, откуда происходят нескончаемые споры и тяжбы за межи. Разнообразие и неточность способов определения прав на поземельную собственность на счет собственности еще более запутывало границы владений и, независимо от сутяжничества владельцев, было новым источником споров и недоумений, так что до 1765 г. в России весьма мало было таких имений, которых величина и межи имели определенную, бесспорную меру. Зло это велико, и для истребления его, или по крайней мере уменьшения, учреждено в России генеральное межевание, доныне неоконченное» (то есть фактически до середины XIX века. - А.Д.) [2, с.57].

В конце XVIII и в значительной части XIX века сведения о землепользователях и характеристиках земель отражались в «Поземельной книге» и «Межевой книге». «Межевая книга» содержала описание границ владений и изменения в размещении границ между землевладениями из-за купли-продажи части владения. В «Поземельной книге» регистрировали собственников земельных участков и сведения о совершаемых с землей сделках. Данные книг использовались государством для целей налогообложения, а землевладельцы могли защищать в суде свои права и решать межевые споры.

Однако, как было указано выше, Генеральное межевание дало возможность получить только самую общую картину, отражающую наличие и состав земельных угодий, а также лишь самые общие характеристики землепользования. Более того, полученные сведения порой отличались весьма высокой неточностью или, в лучшем случае, неопределенностью при соотнесении их с материалами, полученными, например, военными геодезистами. Д.П. Журавский, в частности, писал: «Вот, для примера, сравнение величины 17 губерний, исчисленных, с одной стороны, по табелям межевой канцелярии, а с другой - ... по

специальной карте, составленной при Военно-Топографическом Депо 1832-1844... Из этого сравнения видно, что на поверхности, которую прежде считали величиною в 797859 квадр. верст, по новейшему измерению оказалось прибыли 60045 квадр. верст, или слишком 7% - прибыль, равняющаяся целым двум губерниям: Ярославской и Московской; в иных губерниях, как, например, в С.-Петербургской и Курской эта прибыль превышает даже 20% против прежнего исчисления. И такую разность нельзя отнести к переменам, происшедшим в составе губерний и уездов, со времени первоначального исчисления их величины по табелям межевой канцелярии... Из этих двух вариантов, в определении величины означенных 17 губерний, без сомнения следует дать предпочтение и веру новейшему исчислению, основанному на геодезическом измерении; но в таком случае исчисления, основанные на генеральном межевании, и самые величины владений, определенные специальным межеванием, должны заключать в себе значительные неверности, доходящие... до 29%; ... а между тем эти последние числовые данные уже вошли в практику дел: по ним имения закладываются, решаются межевые споры, вычисляется хозяйственное распределение земель по местности и т. п. Понятно теперь, как важно и полезно было бы согласить оба эти источника сведений о земле, подчинив один из них другому и именно - систематическому, ученому землеизмерению» [2, с. 61].

Работа по упорядоченному учету земельных ресурсов и получению более или менее надежных статистических данных даже во второй половине XIX века оставалась на явно недостаточном уровне по качеству получаемых сведений. Так, Ю.Э. Янсон, один из крупнейших отечественных статистиков, в 1877 г., то есть спустя более 15 лет после отмены крепостного права и начала масштабного размежевания помещичьего, крестьянского и иного сельскохозяйственного землепользования, писал: «Всякий, кому приходилось заняться статистикою нашего землевладения, знает, в каком хаотическом состоянии находится статистический материал по этой части... Недостаточность статистического материала не позволяет нам с достаточной подробностью и точностью определить размеры того переворота, который произвела реформа 1861 г. в распределении землевладения» [3, с. V].

К концу XIX века в стране сложилось несколько видов учета земель:

- 1) учет, организуемый Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи (ЦСК МВД РИ);
- 2) учет, проводившийся другими министерствами и ведомствами РИ;
- 3) учет, осуществляемый первоначально, то есть в начале 70-х годов XIX века, отдельными земскими статистиками, а далее работниками земских статистических бюро. (Характерно, что с конца XIX начала XX века эта система во многом потеряла свою автономность от правительственных структур, прежде всего от органов государственной статистики.)

Что касается первой группы, то сбор государственной информации был организован Центральным статистическим комитетом, входившим в систему Министерства внутренних дел (ЦСК МВД), и основывался в том числе на переписи земельных угодий и переписях поземельной собственности. Получение данных осуществлялось путем сбора заполненных

анкет от землепользователей через полицию и другими методами. Они включали, в частности, материалы различного уровня охвата о распределении площади учтенных земель по угодьям [4, с. 412-415; 5].

Земельные переписи, проведенные ЦСК МВД в конце XIX - начале XX века, оказались наиболее массовыми как по программе статистического наблюдения, так и по степени охвата территории. Всего ЦСК МВД провел четыре таких переписи в 1877-1878 гг. (только по территории Европейской части страны), 1881, 1887 и 1905 гг. При этом переписи 1877-1878 гг., 1887 и 1905 гг. в научной и учебной литературе иногда называли переписями поземельной собственности, а перепись 1881 г. - переписью земельных угодий. Однако учет земель по угодьям так или иначе проводился во всех поземельных переписях начиная с 1881 г. Основные характеристики указанных статистических работ приведены в таблице.

Таблица

Сравнительные характеристики поземельных переписей

Основные параметры и особенности	1877-1878	1881	1887	1905
Задача	Получить точные данные о размерах земли и земельных владений как по формам владений, так и по территориальным единицам (губерниям, уездам)	Выявить точное распределение всех земель по угодьям, а пахотных земель - по посевам	Представить сведения об общей земельной площади земель и ее распределении по угодьям и землевладельцам	Собрать точные современные сведения о распределении земель по всем видам угодий и типам землевладельцев
Число губерний, по которым были собраны и опубли- кованы данные переписи, ед.	49	50	56 (без учета 10 Привислинских губерний - 46)	50
Главные формуляры переписи	Опросные листы	Опросные листы	Анкеты	Списки землевладельцев
Разрезы разработки	По губерниям, уездам	По земледельческим районам, губерниям, уездам	По губерниям, уездам	По губерниям, уездам
Недостатки	Не учитывалось распределение земель по угодьям. В общей площади земель не учтены неудобные земли крестьянского надела	Из-за отсутствия конкретных указаний по заполнению опросных листов данные о распределении земель по угодьям не отличались точностью	Не были получены достоверные данные о распределении земель по угодьям; часть земель осталась нераспределённой по угодьям. Перепись прошла по значительно сокращенной программе. Очень долгие сроки разработки материалов переписи (5 лет) и публикации ее итогов (8 лет). Отсутствие достоверных данных по трем губерниям (не были опубликованы). Не поступили данные по области Войска Донского	Отдельные погрешности в предоставленном материале остались неисправленными. Сведения об удельных и казенных землях ограничивались данными об урочных статьях и не совпадали со сведениями центральных учреждений, ведавших этими землями. В площадь городских земель включалась лишь облагаемая их часть, то есть заселенные участки (застроенные земли)

Источник: [5, с. 5].

Кроме данных, собираемых государственными структурами, получение и накопление сведений осуществлялось также земскими статистическими органами (земскими статистиками). Эти сведения, собираемые с начала 70-х годов XIX века путем непосредственных изучений и опросов крестьянских хозяйств (подворовых обходов), представляли также огромный и интересный массив данных.

Тем не менее вся вышеописанная совокупность материалов, собираемых государственными и земскими службами, далеко не полностью раскрывала структуру земель по отдельным категориям и угодьям. Многие из этих данных не были достаточно надежными и объективными.

После 1917 г. статистика земельных ресурсов и землепользования неоднократно и существенно реорганизовывалась. Ставилась задача упорядочить сбор и обработку данных, найдя при этом наиболее оптимальную форму. Указанный весьма затратный и сложный процесс был, как и ранее, не всегда результативным. Например, намечаемые преобразования во владении землей потребовали проведения специальной земельной переписи уже в 1917 г. В программу сплошной сельскохозяйственной переписи, проведенной в 1920 г. в условиях Гражданской войны, были также включены отдельные характеристики земельного фонда. Однако обе эти работы, как и земельное обследование 1922 г., по ряду причин не обеспечили получения полномасштабных, детализированных и объективных данных. Можно с определенной степенью уверенности утверждать, что по указанной причине обобщенные сведения о площади и структуре национализированных помещичьих, церковных, удельных (царских) и т. п. земель оценивались и оцениваются приближенно. Лишь по отдельным вопросам данные статистические обследования имели ощутимое позитивное значение.

Необходимый опыт сбора, проверки и систематизации данных, проведения расчетов и оценок накапливался медленно. Статистика земельных ресурсов продолжала испытывать большие сложности практически в течение всех 20-х и в начале 30-х годов XX века. Ряд крупных сводных работ и итоговых публикаций в этот период были признаны некачественными, то есть, по сути, недостоверными. Иначе говоря, ситуация со статистическим отражением распределения и использования земельных площадей

как в статике, так и в динамике признавалась неудовлетворительной.

Примечание. Как уже было указано выше, в 1922 г. проводилось специальное выборочное земельное обследование. При осуществлении этой работы исходными материалами для учета земель явились и данные сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. Учет земель проводился путем опроса землепользователей. Программа учета предусматривала характеристику землевладения и землепользования до революции и после нее, распределения земель по угодьям в период обследования, изменения форм землепользования, аренды земли и др. По своему характеру это была исключительно сложная работа. Вследствие неудовлетворительного состава переписных кадров и получения данных путем простого опроса землепользователей вместо документированного учета материалы обследования не дали ожидаемых результатов. Текущий учет земельного фонда и землепользования в послереволюционный период был сосредоточен в сельскохозяйственных органах, где он также налаживался крайне медленно. Только в 1924 г. органам ЦСУ удалось частично систематизировать и подытожить сведения о размерах общего земельного фонда по угодьям.

В результате неудовлетворительного состояния учета земельного фонда в изданном ЦСУ СССР в 1927 г. сборнике «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах» были допущены грубые ошибки. Иначе говоря, приведенные в сборнике сведения о количестве земли, переданной крестьянству в результате Великой Октябрьской социалистической революции, были преуменьшены в несколько раз [4, с. 412-415; 6, с. 128].

В 1939-1940 гг. в каждом колхозе была заведена земельная шнуровая книга, а в исполнительных органах власти административных районов - Государственная книга регистрации земель, где учитывались земли, находящиеся в пользовании колхозов, колхозников, а также рабочих и служащих. В 1949 г. книги регистрации землепользования были заведены также в совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях.

В 1955 г. был введен унифицированный порядок государственного учета распределения земель по угодьям и землепользователям, а также государственная регистрация всех землепользователей по единой общесоюзной системе. Руководство учетом земель и регистрацией землепользователей, а также контроль правильности использования земель всеми землепользователями были возложены на Министерство сель-

ского хозяйства СССР и его республиканские и местные органы.

Определенный интерес представляет развитие статистики агротехнических мероприятий, способствующих не только повышению урожайности сельскохозяйственных культур, но и неистощительному использованию почв. До 1930 г., то есть в период преобладания единоличных крестьянских хозяйств, соответствующее статистическое наблюдение представляло собой сбор и обработку данных выборочных обследований. Они осуществлялись путем непосредственных опросов крестьянских хозяйств в осенний период о способах подготовки почвы под озимые и яровые культуры и об удобрении посевов. В 30-х годах и в последующие годы органы государственной статистики стали получать отчетные сведения от колхозов о выполнении планов агротехнических мероприятий. В 40-60-х годах, кроме того, были проведены разовые выборочные обследования в колхозах и совхозах, которые охватывали различные аспекты агротехники, в том числе эффективность внесения минеральных и органических удобрений под посевы. В этот период целевая направленность периодической отчетности и разовых обследований заключалась в первую очередь в изучении влияния проведенных работ на продуктивность земель и урожайность сельскохозяйственных культур. Вопросы охраны почв от истощения и деградации отражались лишь в минимальной степени и косвенным образом. Этим в основном занимались научные исследователи в различных НИИ, университетах и других вузах путем отдельных маршрутных обследований и проведения иных работ.

Вышеописанный порядок во многом сохранялся в 70-80-х годах XX века.

Что же касается учета и статистики земельных ресурсов и землепользования после 1991 г., то они во многом не только сохранили позитивные наработки досоветского и советского периода, но и обесппечили их определенное развитие в сложившихся условиях, включая совершенствование и уточнение учетно-статистических показателей. В частности, сбор данных стал осуществляться по стабильному набору форм статистических наблюдений (по так называемым «22-м формам», то есть по формам с номерами 22-1, 22-2 и т. д., показатели которых отражают различные аспекты группировки земель по классическим группировкам - катего-

риям и угодьям плюс по перекрестным субгруппировкам, а также по конкретным землепользователям/землевладельцам). К достоинствам последних десятилетий, безусловно, относится регулярная публикация сводной статистической информации в виде ежегодных государственных (национальных) докладов «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации», подготавливаемых Росреестром; ежегодных докладов «О состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации», подготавливаемых Минсельхозом России и иных близких по существу публикаций, содержащих значительный объем сведений.

В качестве положительного момента следует отметить постепенное и широкое внедрение современных средств землеустроительных работ, с использованием различных видов цифровых технологий, аэро- и космических съемок и т. п.

Вместе с тем продолжают иметь место достаточно существенные недостатки учетно-статистических мероприятий в области земельных ресурсов и землепользования. В качестве примера можно привести продолжающиеся нестыковки многих массивов данных, получаемых землеустроителями и работниками по учету земельного фонда, и сведениями, имеющимися у лесоустроителей и работников лесного хозяйства. Неустойчивым является сбор статистических данных о рекультивации нарушенных земель. Остается крайне ограниченной информация, характеризующая так называемое «запечатывание» земель, то есть их фактическое выбытие из естественного оборота и потери взаимосвязи с другими природными ресурсами. Это препятствует сколько-нибудь точным оценкам в рамках экосистемного счетоводства, вспомогательного к СНС и Системе природно-ресурсного и экономического учета (СПЭУ).

Лесные ресурсы. Так же, как в области земельных ресурсов и землепользования, учетно-статистические работы по отражению и характеристике лесных ресурсов начались отнюдь не в XIX веке. Получение различных сведений в лесной отрасли также имеет весьма длительную историю, с достаточно разнородными, разновекторными, зачастую неоднозначными и противоречивыми тенденциями.

В частности, строительство военного флота в период правления Петра I потребовало расширения эксплуатации и, соответственно, охраны

корабельных лесов, в первую очередь, дуба и сосновых мачтовых деревьев. Для сохранения корабельных лесов был принят специальный Указ от 19 ноября 1703 г. «Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст». В нем, в частности, говорилось: «Во всех городах и уездах описать леса (выделено мной - А.Д.), от больших рек в стороны по 50 верст, а от малых рек, которые в те большие реки впали, а сплавному ходу на них можно, в стороны ж по 20 верст. Где леса есть, и в тех лесах: дуба, клена, илема, вяза, карагача, лиственницы, сосны, которую в отруб в 12 вершков и больше, рубить никому не велеть. А буде кто сему указу станет чинить противно, и на них за всякое срубленное дерево, кроме дуба, доправлено будет пени по 10 рублев, а за дуб, буде хотя одно дерево срубит, также и за многую заповедных лесов подсечку, учинена будет смертная казнь. А для нужд рубить леса: липу, ясень, березу, осину, ольху, ель, орешник, ивняк, осокопь, сосну, которая в отрубе меньше 12 вершков» [7, с. 61].

Попытки соотвествующих учетно-статистических и описательных оценок делались в ходе генерального межевания 1765-1780 гг. (см. о нем выше) и в последующие годы. В конце XVIII века для описания и приведения в известность местоположения, количества и качества дубовых, сосновых и других заповедных лесов были командированы флотские офицеры. «Описания эти продолжались девять лет и долгое потом время служили единственным, хотя часто очень неверным, официальным указанием при выделе корабельных рощь» [8, с. 16].

Примечание. В этой связи небезынтересна система ведоственной привязки управления лесами в России, которая в подавляющей степени отражала конкретное значение лесов в тот или иной период - от основного источника сырья для строительства флота, объекта взимания податей и важнейшей статьи экспорта в виде древесины до части земельных угодий как таковых. Например, с 1722 г. до конца XVIII века леса находились в ведении Адмиралтейств-коллегии, с 1802 г. - Министерства финансов, затем Министерства государственных имуществ (с 1839 г.), Министерства земледелия и государственных имуществ (с 1894 г.), Главного управления землеустройства и земледелия (с 1906 г.). В структуре Адмиралтейства, а затем перечисленных министерств создавались специальные подразделения (департаменты, ведомства) для охраны и надзора за использованием разных по назначению лесов, то есть управление лесами было распределено между разными департаментами и ведомствами. В

частности, корабельными лесами заведовал Департамент корабельных лесов; лесами, отведенными под заводы по добыче минеральных полезных ископаемых, - Горное ведомство (1806 г.); лесными землями, на территории которых находились соляные заводы, - Соляное управление (1818 г.); охраной лесов - Корпус лесничих (1839 г.) [1, с. 1]. Указанный ведомственноотраслевой подход в управлении не мог не влиять на акцентировании внимания в учете и отчетности на тех или иных специфических аспектах.

В 1802 г. Александром I был утвержден Лесной устав, впоследствии вошедший в состав Свода законов Российской империи. К началу XX века этот Устав претерпел несколько редакций, в ходе которых устранялись дублирующие нормы; отменялись устаревшие положения; добавлялись нормы, направленные на решение конкретных задач; упорядочивалась внутренняя структура и т. п. Появились, правда пока еще в неструктурированной и несовершенной форме, некоторые элементы, определяющие порядок учетных работ в лесном хозяйстве.

Наряду с Лесным уставом, в Российской империи действовали и другие нормативные документы, регулировавшие лесопользование. Так, в 1876 г. были утверждены Временные правила для нескольких южных губерний, ограничивающие размер рубок. Однако это не остановило истребление лесов и в 1888 г. Правительство вынуждено было издать Положение о сбережении лесов, распространявшееся уже на все леса России. Характерно, что принятие этого Положения было вызвано в том числе угрожающим обмелением Волги и других судоходных рек Европейской части страны из-за свода лесов у их истоков. Этим документом запрещались сплошные рубки, вводилось обязательное лесоустройство, предусматривались меры по сохранению всех типов лесов, а не только корабельных и водоохранных лесов. Все это, естественно, потребовало определенного уточнения соответствующей учетностатистической деятельности.

В Лесном уставе в редакции от 1912 г. в статьях 140 и 141 содержались непосредственные требования к описанию лесов и к заполнению учетной книги:

«Ст. 140. Описание леса должно заключать, в виде табеля, в каком уезде, при каком урочище находятся какого звания участки леса, при каких волостях, сколько в оных десятин удобной и неудобной земли, каких наиболее сортов леса, в каком они вообще положении, каков грунт, при каких реках леса стоят, и какое из него делается

употребление, также и другие подробности, необходимые для определения ценности лесов.

Ст. 141. Описание должно быть внесено лесным чиновником в особенную книгу по данной форме, в которой и надлежит отмечать ежегодно все перемены, случающиеся относительно убыли лесов позволенною порубкой и прибыли, или выращением и пересадкою молодых деревьев, или через посев оных, и о сих переменах в конце каждого года представлять краткие выписки (выделено мной. - А.Д.) Управлению Земледелия и Государственных Имуществ, и еще Главному Управлению Землеустройства и земледелия» [9].

Однако объективность и детализация важнейших элементов учетно-отчетной деятельности в области лесных ресурсов и лесного хозяйства были невысоки. В первую очередь, это определялось недостатками на исходном этапе всего комплекса указанных работ, то есть на этапе лесоустройства.

Примечание. Мероприятия, проводимые в рамках лесоустройства, являются в определенной степени аналогами землеустроительных работ и предусматривают проведение интегрированных действий по детальному описанию лесных ресурсов с определением: основных характеристик изучаемых территорий, группировкой лесов по породному составу (биологическим видам и т. д.), возрасту, возможностям эксплуатации и иным таксационным характеристикам; с оценками показателей различных видов неистощительного лесопользования, определения защитных и охранных действий и т. д. В принципе, именно на сведениях лесоустройства должна разрабатываться система мероприятий, направленных на рациональное использование, повышение продуктивности, воспроизводство, охрану и защиту лесов и т. п. Кроме того, именно на материалах лесоустройства можно строить текущую деятельность в виде учета и статистических наблюдений лесных ресурсов, мероприятий в области лесного хозяйства и лесопользования.

Как отмечают крупные отечественные специалисты, в России одной из проблем лесоустройства всегда был глобальный, если не планетарный масштаб площадных и объемных характеристик лесных ресурсов. Указанная обширность являлась (и продолжает оставаться) одной из ключевых причин того, что лесоустроительные работы в стране до 1917 г. велись в весьма незначительных объемах. Имеются оценки, что за период с 1842 по 1892 г. было вновь устроено казенных лесов в Европейцской части России на площади около 20,3 млн га (менее 10%), а в

азиатской - только 0,9 млн га, что составляет еще меньшую относительную величину [10, с. 25].

Все это целесообразно иметь в виду при анализе систематических публикаций, осуществленных в конце XIX - начале XX века в виде сводных статистических данных. Эти обобщенные материалы были получены различными органами и содержали довольно большой массив сводной информации по использованию минеральных, земельных и лесных ресурсов, а также рыболовству и другим видам природопользования. В первую очередь, приведенные сведения систематически помещались в статистических ежегодниках России, издаваемых ЦСК МВД. Кроме того, профильные сведения имелись в Ежегодниках Лесного департамента, в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» и в Ежегодниках Министерства финансов, в изданиях негосударственных (частных и т. д.) организаций. Значительный по объему и детализации статистический материал публиковался в отчетных изданиях органов земской статистики на местах.

В первой половине 30-х годов XX века по различным причинам имело место массовое сворачивание лесоустроительных работ, служащих, как уже указывалось ранее, основой объективного учета и статистики леса. «Лесоустройство практически перестало существовать. Лесоустроительные работы были подменены обследованиями, инвентаризациями и другими мероприятиями, проводимыми на основе многочисленных инструкций и правил ведомственного порядка, лишенных каких-либо теоретических и практических оснований» [10, с. 27].

В последующий период отношение к лесоустроительной деятельности стало постепенно меняться. В частности, в организационном плане определенное позитивное значение имело создание в мае 1937 г. Союзной лесоустроительной конторы «Лесопроект» - первой объединенной лесоустроительной организации в СССР. Однако ее возможности были явно недостаточны. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 04.04.1947 указанная организационная структура получила принципиально новое развитие - было образовано Всесоюзное аэрофотолесоустроительное объединение «Лесопроект» (B/O «Лесопроект»). В его задачи входило централизованное руководство лесоустройством в СССР, координация соответствующей деятельности во всех союзных республиках на единой методологической основе.

Периодом непрерывного роста и развития отечественного лесоустройства считается время с начала 50-х годов до середины 80-х годов ХХ века. При этом более или менее полные лесоустроительные сведения по всем лесам России были получены лишь в 60-е годы XX века. В ходе соответствующих работ наземным лесоустройством было изучено немногим менее двух третей площади лесного фонда. Общая группировка сроков давности всего объема проведенных лесоустроительных работ составляла к середине-концу 80-х годов XX века: до 10 лет - 59%; 11-15 лет - свыше 23; 16-20 лет - более 9; 21 год и более - почти 9% [10, с. 25]. Иначе говоря, даже в условиях ощутимого повышения понимания рассматриваемых проблем на уровне руководящих органов страны на весьма большой территории лесоустроительные сведения имели достаточно устарелый характер. Учитывая перманентную самовозобновляемость лесных ресурсов, а также происходящие подвижки в породном (видовом) и возрастном составе из-за природных факторов и по антропогенным причинам, устаревшие данные далеко не всегда обеспечивали получение реальной картины.

Тем не менее создание централизованной системы лесоустройства позволило выполнить огромную работу по приведению в известность всех лесов страны. Общая (суммарная) площадь, на которой были проведены лесоустроительные работы (с учетом многократных мероприятий), составила 224 млн га; аэротаксационное обследование лесов было выполнено на площади 850 млн га. Объемы годовых лесоустроительных работ В/О «Лесопроект» возросли с 2,7 млн га в 1947 г. до 50,5 млн га к 1990 г. [10, с. 33]. В последующий период эти мероприятия резко, если не обвально, сократились.

Кроме лесоустроительной информации, в период 20-80-х годов XX века систематически собирались, обобщались и публиковались текущие сведения в области лесного хозяйства и защиты лесов. Например, весьма подробные данные в 20-х годах XX века публиковались в открытом режиме по лесным пожарам (естественно, в рамках объективных возможностей полного учета соответствующих показателей) [11, с. 182-193]. Следует иметь в виду, что более или менее достоверный учет и статистическая характеристика лесных пожаров плюс их последствий представляют весьма серьезную проблему и в настоящее время.

Также небезынтересно, что система разделения лесов на три группы (I, II и III) в зависимости от лесосберегающих возможностей их эксплуатации была принята правительственным постановлением в 1943 г., то есть в период, требовавший максимального использования всех ресурсов. Данное учетно-классификационное деление, действующее в несколько видоизмененной форме и в настоящее время (в виде группировки на защитные, эксплуатационные и резервные леса), сыграло и продолжает играть важную роль в ограничении и упорядочивании рубок и ином лесопользовании, то есть в лесосбережении и охране лесных ресурсов. В статистике данная группировка лесов является основополагающей наряду с группировками по породному составу (видам деревьев) и возрастнову составу лесонасаждений.

После Великой Отечественной войны значительная по объему информация по большому числу показателей, характеризующих лесные ресурсы и лесопользование, имелась уже с конца 1940-х годов. Во второй половине 1950-х годов был впервые издан статистический сборник по итогам единовременного Государственного учета лесного фонда, проведенного на начало 1956 г. Далее, вплоть до середины 90-х годов XX века, указанные «переписные» сплошные государственные учеты и соответствующие публикации их сводных итогов осуществлялись систематически с пятилетним интервалом.

Период после начала 90-х годов XX века характеризовался разновекторными тенденциями. К сожалению, объемы лесоустроительных работ за последнюю четверть века оказались свернутыми, то есть стали проводиться в гораздо меньших масштабах по сравнению с предшествующим периодом. При этом появилось множество форм текущего статистического наблюдения, предусмотренных непосредственно положениями Лесного кодекса Российской Федерации, а также учетно-статистические формы ведомственного характера и иной информационно-статистический инструментарий. В целом ряде случаев указанная документация имеет признаки перекрещивания и дублирования. Порой это ощутимо усложняет и запутывает выбор наиболее надежных источников информации для проведения анализа и формулирования объективных выводов по его итогам.

Пока далеко не в полной мере заработал современный порядок электронного отслежи-

вания всего комплеса операций с древесиной с помощью Единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней (ЛесЕГАИС) - от момента ее (древесины) вырубки до поступления на глубокий передел или на экспорт за границу. Данная система в принципе является реальным воплощением «цифровой экономики» в лесном хозяйстве, лесозаготовках, первичной лесообработке и поставках древесины за рубеж, в том числе на основе чипирования/сканирования продукции; внедрение этой системы можно только приветствовать. Однако на пути ее практической и комплексной реализации перманентно возникают различные трудности, неясности и препятствия³. Это не позволяет в полной мере задействовать ЛесЕГАИС в качестве эффективного метода борьбы с незаконными лесозаготовками, принявшими в последние десятилетия весьма масштабный характер.

Точно также пока не удается в полной и результативной мере, более или менее повсеместно внедрить аналогичные «цифровые» (электронные и т. д.) средства отслеживания лесных пожаров с получением объективных учетно-статистических данных. К сожалению, этот недостаток приводит к перманентному возникновению статистических неясностей и пробелов, что в свою очередь способствует различным злоупотреблениям.

Публикации сводной информации со стороны Рослесхоза в последние годы резко сократились по объему и приобрели весьма нерегулярный характер (прежде всего, это касается ежегодных докладов «О состоянии и использовании лесов Российской Федерации» и близких по существу информационных изданий, основывающихся на данных лесного реестра, инвентаризационных и мониторинговых работ и т. п., по сути заменивших пятилетние единовременные учеты лесного фонда).

Развитие статистики охраны окружающей природной среды

Если анализировать мероприятия по своего рода охране среды обитания населения в городах и иных поселениях на начальном, в основном чисто санитарном и достаточно примитивном, на

сегодняшний взгляд, уровне, то определенный интерес вызывает ряд законодательных актов Петра I. Это касается, в частности, Именного указа от 22 февраля 1709 г. «О наблюдении московским обывателям чистоты на дворах и на улицах, о свозе всякого помету за Земляной город и содержании мостовой в исправности» (далее цитируются выдержки из него): «Великий государь указал сказать свой великого государя указ всяких чинов людям, которые живут на Москве, в Кремле, в Китае, в Белом, Земляном городах и за Земляным городом дворами, и кликать бирючь по большим проезжим улицам и по крестцам по многие дни, чтоб они с дворов своих навозу и мертветчины и всякого помету в улицах и переулках не метали, и во всех улицах и в переулках навоз и мертветчину и всякий помет очистили б, и возили б за Земляной город, от слобод и в дальныя места и засыпали землею. ... А буде очищать ... не станут и учинятся ослушны: и на тех ослушников выборным десятским извещать и подавать в приказ Земских дел письма, и тем людям, за ослушание их и за неочистку против дворов своих всякого помета и за небрежение мостовых бревен, учинено будет наказание, за первый привод бить батоги, за другой бить батоги ж, да пени имать по 5 рублей, за третий привод бить кнутом, да пени 10 рублей...» [13, с. 629-630].

В XIX веке мероприятия по соблюдению элементарных санитарных правил и норм - предтечи мероприятий по охране окружающей природной среды - получили дальнейшую конкретизацию и развитие. В этой связи привлекает внимание, в частности, статья 408 Устава строительного, действовавшего во второй половине XIX века: «Фабрик и заводов, вредных чистоте воздуха, в городах и выше городов по течению рек и протоков строить не дозволяется. Если же где таковые уже существуют, то об оных делается представление Министру внутренних дел с особенным описанием качества их и цены (выделено мной. - А.Д.). Для перенесения такого рода заведений губернские начальства обязаны отводить места с тем, чтобы, кроме сих мест, нигде более таковых заведений не было устраиваемо» [14, с. 10].

Кроме того, уполномоченные государственные органы пытались осуществлять определенные действия в области санитарной охраны, как сейчас принято говорить, «воздуха рабочей

³ По утверждению первого заместителя председателя Комитета Госдумы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству В. Гутенева, эта система «оказалась слишком затратной, а ее эффективность оставляет желать лучшего» [12].

зоны» на различных вредных производствах. К такого рода производствам издавна относились получение некоторых металлов, древесного угля, ряда других продуктов. В России соответствующие наблюдения и контроль, первоначально проводимые на примитивном уровне, а также сбор и анализ некоторой информации начались примерно с середины XIX века. Все это осуществлялось главным образом через врачебную инспекцию (так называемую «медицинскую полицию») - предшественницу современного санитарно-гигиенического контроля и надзора. Типичным примером в данном случае может служить обследование, проведенное в 1870 г. в Новгородской губернии врачебным инспектором Ф. Филипповым. Работа проводилась «по распоряжению г. начальника Новгородской губернии»; было обследовано свыше 10 предприятий полукустарного профиля по производству серных и фосфорных спичек. По результатам обследования-проверки были подготовлены обобщенные материалы, содержащие большой объем учетных сведений⁴.

Следует отметить, что указанные врачебные обследования (проверки) постепенно расширялись и совершенствовались с развитием системы медико-санитарного контроля в целом. Однако этот контроль имел разрозненный и далеко не полный характер. Централизованная санитарно-эпидемиологическая служба с сетью подведомственных структур на местах в Российской империи так и не была сформирована. В 1913-1914 гг. санитарные комиссии или санитарные бюро по оценке имелись примерно в 70 городах и 40 губерниях страны. Они относились к системе органов самоуправления и занимались в том числе статистической работой, то есть получением, частичной систематизацией и анализом профильных сведений.

Некоторые, правда достаточно расплывчатые и неконкретные элементы, регламентирующие учет и статистику, содержались в Законе об охоте от 1892 г. При этом одной из основных целей данного документа в тот период было установление норм, направленных на предотвращение и прекращение нарушений прав собственности охотничьих угодий путем незаконной охоты. Иначе говоря, учетные работы были юридически ориентированы в основном в этом направлении.

Что касается периода Советской власти, то в области охраны природы он характеризовался в

первую очередь созданием разветвленной системы государственных природных заповедников. Характерно, что сформированная в РСФСР к 1941 г. сеть из 35 заповедников общей площадью 8,5 млн га не прекращала свою работу во время Великой Отечественной войны, за исключением оккупированной территории (в целом по СССР, включая Украинскую ССР, Белорусскую ССР и др., приведенные цифры были значительно больше).

Примечание. Первый природный заповедник на территории современной Российской Федерации - «Баргузинский» (нынешняя Республика Бурятия) был создан в соответствии с решением Правительства от 29 декабря 1916 г. по старому стилю (11 января 1917 г. по новому стилю), то есть в самом конце существования Российской империи. В том же 1916 г. в соответствии с решениями местных властей был создан заповедник «Кедровая падь» (нынешний Приморский край) [16].

Небезынтересно, что даже в 1943 г., то есть в самый разгар Великой Отечественной войны, было принято Постановление Совета Министров РСФСР о создании заповедников «Предуралье» и «Кунгурская ледяная пещера». Победный 1945 г. был отмечен организацией еще двух заповедников - «Московского» и «Дарвинского» [16].

Функционирование столь обширной сети особо охраняемых территорий не могло не потребовать налаживания элементарного учета и статистики. Любопытно, что даже во время Великой Отечественной войны производился сбор отчетных сведений о работе заповедников (естественно, за исключением объектов на оккупированной территории). «Знакомясь с архивами Кондо-Сосьвинского заповедника военного периода, невольно поражаешься обилию бухгалтерской и отчетной документации... Отчеты требовались поквартальные, полугодовые и месячные, учитывался каждый гвоздь и каждый шаг людей, находящихся в заброшенной таежной глубинке, где даже писчая бумага стала забытой роскошью (отчеты писали на обоях, а письма - чуть ли не на бересте)» [17, с. 10]. В июле 1942 г. Воронежский государственный заповедник оказался непосредственно в прифронтовой полосе; на Воронежском фронте в этот период развернулись тяжелейшие бои. В этой связи 4 июля 1942 г. дирекцией заповедника был издан приказ, в соответствии с которым в Мордовский государственный заповедник были выве-

⁴ См. подробный разбор хода и результатов (в том числе учетно-статистического характера) указанного обследования в [15].

зены научные и *бухгалтерские* отчеты (*выделено мной* - *А.Д.*), картографические материалы и иная документация [18]. Приведенные факты вызывают невольное уважение в части отношения государства в целом, и конкретных работников в частности, к соответствующей деятельности в тех сложнейших условиях.

Далеко не всякая страна была способна на подобные масштабы заповедной деятельности в довоенных, военных и послевоенных условиях, тем более при априорном отсутствии коммерческой выгоды от таких проектов. Другое дело, что осуществляемые природоохранные мероприятия, как и выделяемые на это средства, были невелики, а сама деятельность не отличалась должной последовательностью и комплексностью. Более того, имели место случаи резкого сворачивания рассматриваемой деятельности, как это произошло, например, с особо охраняемыми природными территориями в начале 50-х и 60-х годов XX века. В первом случае, преимущественно в 1951 г., из 47 имевшихся в РСФСР в тот период заповедников было закрыто 27 единиц. В начале 1960-х годов, в основном в 1961 г., из 28 функционировавших в то времяв РСФСР заповедников было закрыто 4 единицы [19, с.10-11; 27].

Кроме заповедной деятельности, в качестве примеров организационно-управленческих мероприятий, имевших не только санитарноэпидемиологические цели, но и в известной мере направленных на охрану окружающей природной среды, можно привести, например, Постановление ЦИК СССР и СНК СССР в мае 1937 г. «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения». Практически сразу после войны были приняты постановления Совета Министров СССР «О мерах по ликвидации загрязнения и санитарной охране водных источников» (май 1947 г.) и «О мерах борьбы с загрязнением атмосферного воздуха и об улучшении санитарно-гигиенических условий населенных мест» (май 1949 г.). Принятие такого рода документов в тот период, по определению, не могло не сопровождаться достаточно жестким контролем (насколько это было возможно по объективным условиям и факторам), а следовательно, элементарными учетностатистическими работами, обеспечивающими и поддерживающими этот контроль.

В октябре 1948 г., то есть совсем близко по времени к небезызвестному постановлению о выделении ЦСУ из состава Госплана было принято Постановление Совета Министров СССР

и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» (зачастую называемое «сталинским планом преобразования природы»). Главными мероприятиями в рамках намечаемых действий было создание в 1949-1965 гг. восьми государственных защитных лесных полос общей протяженностью свыше 5300 км. Площадь вновь созданных защитных лесонасаждений, включая противоэрозионное облесение оврагов и балок, должна была составить в итоге 5,7 млн га. Практически сразу же выполнение установленных мероприятий стало браться на учет и получать статистическое отражение. По имеющимся оценкам, к концу 1951 г. площадь фактических посадок полезащитных лесных насаждений превысила 2 млн га. Было создано более 13 тыс. прудов и иных водоемов, организовано свыше 350 лесозащитных станций [20].

Общеизвестно, что одной из сфер деятельности, в наибольшей степени влияющих на ОПС, является жилищно-коммунальное хозяйство. Однако общие масштабы этого воздействия невозможно было охарактеризовать даже приблизительно до начала 1930-х годов. Определенным прорывом явилось постановление Совнаркома СССР, принятое в июле 1932 г., о проведении Всесоюзной переписи предприятий коммунального назначения и городского благоустройства. В составе показателей, включенных в программу переписи, присутствовали характеристики водоснабжения, очистки территории городов и поселков (то есть показатели, характеризующие сбор и вывоз мусора и отходов), наличия зеленых насаждений, распределения городских земель и т. д. В составе этих характеристик присутствовали как натуральные (объемные, площадные), так и стоимостные и трудовые показатели. Итоги переписи в сжатом виде были представлены в выпущенном в 1935 г. статистическом сборнике «Коммунальное хозяйство Союза ССР к концу первой пятилетки». Аналогов данного издания в стране до этого не было [6, с. 305].

Однако несмотря на в целом положительный характер этой переписи, ее материалы по отдельным вопросам имели существенные недостатки. Во-первых, охват объектов учета по разным причинам оказался неполным. Во-вторых, перепись вскрыла крупные недостатки в организации

первичного учета на объектах коммунального хозяйства. Вследствие этого часть сводных данных имела приблизительный (ориентировочный) характер.

Начиная с 1933 г. органами государственной статистики было организовано получение отчетных данных по коммунальным водопроводам и канализации на упорядоченной и постоянной основе. Соответствующая информация собиралась первоначально по 105 городам, а затем по всем городам страны. Наиболее серьезным вопросом при этом оказался охват всех водопроводно-канализационных систем, независимо от их ведомственной подчиненности.

Для того чтобы иметь более полное представление о послевоенном состоянии коммунального хозяйства, в 1939, 1945, 1948, 1953 и 1956 гг. были проведены сплошные и/или ограниченные по охвату единовременные учеты коммунальных предприятий. Статистическому отражению подлежали не только водопроводы и отдельные водопроводные сети, канализации и отдельные канализационные сети, но и автогужевой транспорт, используемый при очистке городской территории и другие показатели⁵. С 1953 г. начали систематически учитываться зеленые насаждения в городах.

Подобный перечень наработок в области предтеч статистики охраны ОПС в нашей стране можно продолжать довольно долго. Однако относительно последовательные, а также гораздо более всесторонние и масштабные по своим практическим результатам мероприятия в области охраны ОПС и рационализации природопользования в СССР в целом, и РСФСР в частности, начались, по сути, лишь с конца 60-х - начала 70-х годов XX века (характерно, что это примерно совпало по времени с развертыванием аналогичных действий в большинстве развитых государств). К таковым действиям в первую очередь следует отнести Постановление Верховного Совета СССР «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов» (1972 г.). При этом несколько ранее были приняты Основы земельного и водного законодательства Союза ССР и союзных республик (соответственно, в 1968 и 1970 гг.). Через несколько лет были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о

недрах (1975 г.), Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик (1977 г.), законы СССР «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране и использовании животного мира» (оба в 1980 г.). Все эти основополагающие правовые документы содержали разделы и отдельные пункты, регламентирующие учет и статистическое сопровождение мероприятий, подлежащих фактическому выполнению.

С конца 60-х и примерно по середину 80-х годов XX века был принят целый ряд постановлений директивных органов страны, где были установлены достаточно жесткие сроки проведения мероприятий по прекращению сброса неочищенных сточных вод и проведению иных водоохранных (водосберегающих) мероприятий в бассейнах озер Байкал и Севан, Балтийского, Черного и Азовского, Каспийского и Арктических морей и ряда других водных бассейнов. Примерно в таком же порядке принимались решения и проводилась деятельность по охране атмосферного воздуха в отдельных городах и промышленных агломерациях, а также реализовывались меры по снижению трансграничного переноса вредных веществ, прежде всего диоксида серы и оксидов азота с территории СССР. Автор настоящей статьи констатирует, что выполнение практически всех этих постановлений и решений директивных органов в конце 70-х начале 80-х годов прошлого века было взято под четкий статистический контроль, в том числе с широким использованием возможностей органов государственной статистики.

Кроме того, в 1970-х годах был принят ряд весьма важных и значимых постановлений директивного характера, которые предусматривали конкретные поручения различным государственным органам по организации статистических наблюдений за состоянием, загрязнением (деградацией) и охраной ОПС. При этом основополагающее значение, по сути, имели два таких постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» (от 29.12.1972 № 898) и «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» (от 01.12.1978 № 984) (более подробно см. 21, с. 10]).

Начиная с 1975 г. в Государственном плане развития народного хозяйства СССР (в дальней-

⁵ Важность этих сведений в данный период определялась, в частности, проводимыми во второй половине 1940-х годов массовыми работами по расчистке разрушенных в ходе войны городов, задачами их восстановления, скученностью проживания населения и т. п.

шем, до начала 90-х годов XX века - в Государственном плане экономического и социального развития СССР) появился специальный раздел «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов». Аналогичные разделы стали формироваться в государственных планах РСФСР и других союзных республик. Этот факт оказал исключительно важное, можно сказать определяющее, влияние на развитие соответствующей отрасли статистики и иных способов информационно-аналитической поддержки мероприятий по охране ОПС и рационализации природопользования.

В конце 1981 г. была создана Комиссия Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, КОС (практически сразу же после этого были сформированы аналогичные комиссии в РСФСР и других республиках). Эти структуры, по сути, стали главными государственными органами высшего оперативного управления в области охраны ОПС и рационализации природопользования. Функционирование данных комиссий на союзном и республиканском уровнях требовало бесперебойного ежемесячного потока разносторонней статистической информации из ЦСУ СССР, ЦСУ РСФСР и т. д. (с 1987 г. - из Госкомстата СССР, Госкомстата РСФСР и т. п.). Следует также признать, что в ходе подготовки материалов к заседаниям КОС, а также на самих заседаниях порой выявлялись недостатки этих сведений, что требовало оперативных мер по устранению неясностей, ошибочных трактовок и т. д.

Таким образом, статистика охраны ОПС получила в СССР в целом, и в РСФСР в частности, достаточно мощное и разностороннее развитие, выйдя по ряду аспектов на ведущее место в мире. Система показателей и их методология, основные подходы к сбору, проверке, обобщению информации, так же как и по представлению учета сводных данных, изначально сформированные в 1970-1980 гг., постоянно развивались, уточнялись и усложнялись. При этом постепенно возрастала доля информации, сбором, обобщением и представлением которой занимались непосредственно органы государственной статистики.

Примечание. Небезынтересно, что первая открытая публикация в нашей стране, характеризующая подходы к структурированию статистики ОПС, составу

форм статистической отчетности и важнейшим профильным показателям, была сделана в 1974 г. первым начальником соответствующего подразделения, сформированного в ЦСУ СССР, Е.В. Казанской именно в журнале «Вестник статистики» [22]. В том же году ЦСУ РСФСР подготовило по сути первый официальный аналитико-статистический доклад «О состоянии окружающей среды и мероприятиях по ее охране». Несмотря на относительную узость использованных показателей, недостаточную надежность сводных данных, наличие грифа «Для служебного пользования» и небольшой тираж (60 экз.), это была своего рода «первая ласточка» в государственной статистике России, «возвестившая» начало практической информационной работы в рассматриваемой сфере.

Не следует, однако, думать, что становление и развитие рассматриваемой статистики происходило повсеместно благостно, без значительных трудностей и/или без серьезных ошибок. В частности, с самого начала формирования информационных потоков со всей остротой стояла задача повышения достоверности отчетных данных. Эта общая информационно-статистическая проблема приобрела здесь особый характер из-за специфики предмета и объектов наблюдения. (Дело в том, что учесть в более или менее полном объеме поступление вредных веществ в ОПС с газовоздушными выбросами от стационарных и передвижных источников, со сточными водами или в виде разнообразных твердых отходов значительно сложнее, нежели организовать в условиях стабильной экономики статистическое наблюдение за выпуском продукции и оказанием услуг, динамикой денежной массы, движением трудовых ресурсов и т. п.) Подобраться к относительно результативному в тех условиях решению этой проблемы в СССР удалось далеко не сразу, а лишь к концу 1980-х годов путем целого комплекса мероприятий от упорядочивания первичного учета на предприятиях - природопользователях различных отраслей народного хозяйства до установления непосредственного текущего взаимодействия органов государственной статистики с конкретными природоохранными органами на местах, с систематическими совместными проверками достоверности отчетных данных на отчитывающихся объектах и представлениями их итогов в вышестоящие министерства, комитеты народного контроля и т. π .⁶.

⁶ В 90-х годах XX века и в прошедший период XXI века работа в этом направлении постепенно и практически полностю прекратилась.

К сожалению, к началу 1990-х годов остался не до конца решенным ряд других узловых задач, в том числе из-за недостаточной активности Госкомстата СССР.

Общее количество форм государственной статистической отчетности, касающейся всех природно-ресурсных и природоохранных/природосберегающих проблем, в СССР к концу 1980-х годов составляло порядка 80 единиц, включая инструментарий, содержащий отдельные группы профильных показателей природных ресурсов, природопользования, состояния, загрязнения (деградации) и охраны ОПС. В органах Госкомстата СССР разрабатывались (собирались, проверялись, обобщались и т. д.) свыше 40 форм статистической отчетности, в том числе около 30 форм - по чисто природоохранной и природосберегающей тематике. Разработка остальных форм была централизована в системе Министерства геологии СССР, Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР, Министерства сельского хозяйства СССР (Госагропрома СССР), Государственного комитета СССР по лесному хозяйству, Министерства здравоохранения СССР и ряда других отраслевых министерств и ведомств. Кроме форм государственной статистической отчетности по природоохранной/природосберегающей тематике, в стране действовало большое количество форм ведомственной отчетности, в частности в рамках так называемых «отраслевых автоматизированных систем управления (OACY)»⁷.

Комплекс прямых статистических наблюдений (статотчетности) стал дополняться единовременными сплошными и выборочными обследованиями (инвентаризациями, переписями), что обеспечивало более высокую гибкость и актуализацию информации. В частности, во второй половине 1980-х годов ежегодно проводилось по 1-2 таких обследований по различным проблемам рационального природопользования и охраны ОПС. Сюда входили единовременные наблюдения за эффективностью работы пылегазоочистных и водоохранных сооружений и установок; использованием и охраной минеральных вод (на курортах и заводах розлива) и лечебных грязей (на курортах); образованием и поступлением в окружающую природную среду токсичных отходов производства и потребления; ряд целевых опросов общественного мнения и

др. По согласованию с заинтересованными государственными структурами, научными и иными организациями в каждом конкретном случае разрабатывались программы обследований.

Весь вышеописанный комплекс правовых, организационных, учетно-статистических и иных мер, имеющих весьма сложный характер, способствовал постепенному формированию массива относительно надежной информации. В частности, если ограничиться только данными по РСФСР в целях их сопоставимости с последующими периодами, то в 1971-1975 гг. суммарный объем государственных капиталовложений на охрану окружающей природной среды и рациональное использование природных ресурсов составил в сопоставимых ценах около 5 млрд рублей, или примерно 1,4% всех инвестиций в основные фонды республики; в 1976-1980 гг. - 6,5 млрд рублей, или почти 1,5%; в 1981-1985 гг. около 6,7 млрд рублей, или 1,3%.

По имеющимся статистическим данным, в РСФСР выбросы вредных веществ в атмосферный воздух от стационарных источников сократились в 1981-1985 гг. примерно на 7-8%, а от автотранспорта - в пределах 3-4%. Сброс загрязненных сточных вод в природные водоемы (по принятым в то время водоохранным нормативам) уменьшился более чем на 20%. За счет ряда мероприятий, в первую очередь в результате рекультивации земель, площадь нарушенных промышленной, строительной, геологоразведочной и другой деятельностью земельных участков снизилась на 4-5%. Имел место также ряд иных положительных явлений и тенденций.

Характерными особенностями происходящих в эти годы процессов было то, что: а) они совершались в условиях общего, довольно быстрого развития экономики, прежде всего отраслей тяжелой промышленности; б) получили в целом позитивные, хотя весьма медленные и не всегда устойчивые тенденции; в) наблюдались отнюдь не повсеместно и далеко не по всем статистически учитываемым характеристикам.

Период 1986-1990 гг. достаточно сложно сопоставить с предшествующими годами, поскольку начали проявляться общеэкономические кризисные явления, разрыв хозяйственных связей, нарастание дезорганизации на производстве, его уменьшение и т. д. Все это не могло не сказаться на снижении негативной нагрузки на ОПС, при-

⁷ Указанные сведения и аналогичные цифры, приведенные далее, отражают оценки и подходы автора настоящей статьи. Не исключено, что другие специалисты, руководствующиеся иными принципами определения соответствующего статистического инструментария, могут получить несколько иные данные - А.Д.

чем отнюдь не по причинам природоохранного характера (особенно в 1989-1990 гг.). Кроме того, произошли определенные методологические изменения и уточнения в статистике, что дополнительно затрудняет соответствующие сравнения в динамике. Вместе с тем, с определенной уверенностью можно утверждать, что оценочный объем инвестиций в основной капитал на охрану окружающей природной среды в сопоставимых ценах в этот период, несмотря на указанные кризисные явления, существенно возрос по сравнению с предшествовавшей пятилеткой.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что проблема сколько-нибудь серьезной оценки пресловутого «советского экологического долга» представляется не столь однозначной и очевидной, как ее иногда пытаются трактовать. Данная проблема до сих пор не получила трезвой, доказательной и неангажированной оценки с учетом международных сопоставлений. При этом должны быть изучены как совокупность негативных факторов, так и объем проделанной природоохранной работы. Для объективного анализа хода и итогов долговременно складывавшейся в нашей стране природно-ресурсной и природоохранной ситуации необходимо учитывать также, при каких условиях происходила форсированная индустриализация страны в 30-е годы XX века, размещение эвакуированных в ходе Великой Отечественной войны предприятий, их частичная реэвакуация, а также восстановление разрушенных хозяйственных объектов в послевоенный период⁸. Кроме того, крайне негативную роль в этой связи сыграла навязанная нашей стране «холодная» война, на ведение которой были отвлечены огромные средства. Это не только задержало реализацию природосберегающих и природоохранных мер на построенных предприятиях, но и во многом способствовало ухудшению состояния OПС9. Иначе говоря, в

советский период длительное время по разным причинам имела место определенная недооценка природоохранного и природосберегающего факторов. Однако явно недостаточное, если не еще меньшее, внимание этому фактору уделялось и после начала 1990-х годов (правда, под иной риторикой и аргументацией; см. ниже). В этой связи нет необходимости сколько-нибудь серьезно относиться, например, к определению СССР как «экологического бандита № 1», которое дал в 90-х годах XX века быв. Председатель Госкомэкологии России В.И. Данилов-Данильян¹⁰. Аналогичные или близкие по духу высказывания были весьма популярны в конце 1980-х - начале 1990-х годов. Конъюнктурная сущность подобных заявлений ныне очевидна. В частности, ссылками на этот «долг» длительное время оправдывали слабые результаты природоохранной деятельности в последующий период.

Ситуация конца 1980-х годов и 1990 г. имела специфические особенности в статистике ОПС, причем как позитивного, так и негативного плана. Например, одной из особенностей рассматриваемых лет явилось массовое снятие ограничительных грифов с общестатистической информации и с материалов в области рациональности природопользования, а также состояния, загрязнения (деградации) и охраны ОПС. На этот период приходится также начало публикации в открытой печати ежегодных Государственных докладов о состоянии природной среды и природоохранной деятельности в стране. В 1989 г. был впервые выпущен массовым тиражом (35 тыс. экз.!) статистический сборник «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в СССР».

Однако наравне с указанными положительными фактами постепенно нарастали негативные тенденции. Страну захлестнул информационный поток, в котором объективные сведения

 $^{^8}$ Не следует также забывать, что крупномасштабные военные действия сами по себе являются катастрофой для окружающей природной среды, что фактически и происходило на огромной части Европейской территории СССР. - A. $\mathcal{A}$.

⁹ Неоднозначность данной ситуации заключается в том, если бы указанные мероприятия не были проведены, то вероятность уже не «холодной», а реальной (возможно, третьей мировой) войны резко бы возросла. Гипотетические масштабы влияние этой несостоявшейся войны на ОПС нашей страны и многих стран мира практически не поддаются сколько-нибудь точным оценкам. Характерно, что один из главных организаторов советской экономики 1930-1940-х годов Председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский по свидетельству Л.М. Володарского, заместителя Начальника, а далее - Начальника ЦСУ СССР (в 1975-1985 гг.), говорил после Великой Отечественной войны: «Мы теперь должны построить такую экономику, которая бы заставила любого агрессора дважды подумать, прежде чем атаковать нас! Таким образом, мы сделаем войну невозможной» [23]. Характерно, что рассматриваемые мероприятия до сих пор позволяют России сохранять независимость и хоть в какой-то мере препятствовать вмешательству во внутрироссийские дела со стороны ряда стран.

⁸ Цитируется по [24, с. 234]. Характерно, что это заявление весьма причудливо сочеталось у данного лица с утверждениями, что «в настоящее время Россия является наименее загрязненной по мировым стандартам территорией и может стать центром экологического возрождения... От 7 до 8 млн кв. км, то есть 35% от общей территории России, не затронуты хозяйственной деятельностью. Необходимо ввести законодательный запрет на освоение нетронутых территорий Севера, Сибири, Дальнего Востока» [25]. Напомним, что РСФСР занимала свыше трех четвертей территории СССР. Каким образом удалось превратить СССР в некоего «экобандита», сохранив при этом в эконеприкосновенности гигантские плошали. - сие неведомо...

соседствовали со статистическими подделками. Подлинное желание улучшить охрану природы и, соответственно, получить достоверные сведения начинало все более подменяться внутренними установками, имеющими мало общего с подобными целями. Среди многих ученых, журналистов, публицистов, писателей и т. д. возникло своеобразное соревнование: кто выдаст наиболее «страшные» данные? Адекватный и достойный ответ со стороны статистиков-практиков зачастую запаздывал или вообще не давался, в том числе из-за нежелания спорить с руководящими структурами и вышеприведенными лицами (хотя весьма серьезные основания для этого имелись).

В качестве примера жонглирования цифрами и фактами, если не полной некомпетенции и/ или целевого обмана, можно привести, в частности, следующий факт. В 1989 г. заместителем Председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов был выбран чл.-корр. АН СССР А.В. Яблоков. Позднее он был назначен на должность Советника Президента Российской Федерации по политике в области экологии и охраны здоровья. В 1988 г. система взглядов А.В. Яблокова по отношению к учету вредного воздействия на природу была выражена, в частности, в статье с претенциозным названием «Экологическое невежество и экологический авантюризм. Завалы на пути перестройки». В ней отмечалось, что «еще несколько лет назад в официальных отчетах по охране природы, появлявшихся в газетах обычно 5 июня - в День охраны окружающей среды - мы читали, что несмотря на рост промышленного производства нам удается сдерживать рост загрязнения воздушного бассейна. Как и многие другие, эти цифры оказались «лукавыми» - загрязненность атмосферы не только больших городских агломераций, но и крупных промышленных регионов увеличивалась, а не уменьшалась, и жителям Кемерова, Ангарска, Свердловска и сотен других городов это было хорошо известно. Мои подсчеты, проведенные с помощью весов, карандаша и листа бумаги (на основе количества выпадающей пыли в районе моего дома на Юго-Западе Москвы), показывают, что в год на гектар здесь опадают сотни килограммов пыли. К сожалению, в доступной мне литературе данные о количестве пыли нашлись только для некоторых западных стран. В промышленных районах ФРГ и Бельгии

пыли примерно столько же. В США и Швеции в 70-х гг. меньше» [26, с. 238].

Анализируя это высказывание, следует подтвердить, что в центральной печати страны к Всемирному дню охраны окружающей среды в 1980-х годах действительно регулярно появлялись публикации за подписями крупных государственных руководителей. Озвучиваемые ими статистические данные и отдельные факты проходили многократную и многостороннюю проверку и не преследовали цель что-либо приукрашивать. Поэтому в публикациях не могло утверждаться, что в стране повсеместно, то есть на всех объектах, во всех регионах и тем более на всех микротерриториях, происходит «сдерживание» (вероятно, уменьшение и/или стабилизация?) выбросов вредных веществ в атмосферный воздух. Последние, кстати, зависят не только от «роста промышленного производства», но и от воздействия передвижных и других источников. Общая тенденция медленного уменьшения антропогенных выбросов вредных веществ в атмосферный воздух в целом по СССР специалистами не оспаривалась. Это происходило хотя бы в результате масштабной замены угля и мазута в качестве топлива на теплоэлектростанциях и котельных на природный газ. В массовом порядке проводились также другие воздухоохранные мероприятия.

Метод «весов, карандаша и листа бумаги» выглядел в то время и тем более выглядит ныне просто неадекватным по отношению к такой сложной, комплексной и трудоемкой задаче, как получение достоверных сведений о загрязнении ОПС даже по отдельно взятому микрорайону или придомовому участку, не говоря уже о городе, регионе или стране в целом. Здесь требуются несравненно более квалифицированные подходы и профессиональные знания.

Примечание. К сожалению, А.В. Яблоков в последующий период, находясь на весьма ответственных государственных постах, систематически озвучивал неверные сведения, зачастую выдвигал априори нереализуемые со сколько-нибудь серьезных позиций идеи, делал одиозные предложения, которые в настоящее время порой выглядят как своего рода маниловщина, провокация или насмешка:

«Уже готов и ждет подписания Договор об экологической безопасности и охране окружающей среды. Его идея в том, чтобы границы между суверенными государствами на территории бывшего Союза превратить в настоящие заповедники. Верю, что они станут природными резерватами» [27].

«...как ни странно, распад Советского Союза дал возможность активизировать экологическую работу. ... Я думаю, мы приостановим деградацию природной среды. С политической точки зрения, думаю, что у России будет другое административное устройство. Будут земли: Западная Сибирь, Южный Урал, Якутия, Башкирия. Раньше все управление шло из Центра. Ясно, что так больше не будет. Все жизненно важные вопросы будут решаться на местах (выделено мной. - $A.\mathcal{A}$.). Я не против, если возникнет Дальневосточная республика в составе России. Это даст возможность улучшить условия жизни, использование природных ресурсов. Хозяин не допустит вырубки тысяч квадратных километров лесов и превращения их в пустыню» [28]. Такого рода риторические пассажи, естественно, не добавляли авторитета ни самому персонажу, ни органам власти, к которым он принадлежал.

Тема охраны природы в стране в конце 80-х годов XX века стала весьма «модной». Но это не принесло принципиального улучшения самой природоохранной деятельности. Более того, происходило своеобразное и перманентное разыгрывание «экологической карты», причем псевдоэкологическая деятельность оказывала все более и более заметное влияние на дезорганизацию управления экономикой страны в целом. Характерно также, что профессиональная и конструктивная критика статистики ОПС, без которой ее позитивное развитие, по определению, невозможно, с конца 80-х - начала 90-х годов XX века стала звучать все реже и реже.

Особенности природопользования в нашей стране в последнее десятилетие XX века и в первые десятилетия XXI века имеют как определенное сходство и преемственность со всеми предшествующими этапами (включая советский период), так и весьма существенные отличия. Прежде всего, очевидно то, что с начала 1990-х годов рыночный подход в сфере природопользования стал ускоренным образом приобретать доминантный характер. Товарно-денежные атрибуты охватывали все новые сферы деятельности, использовали дополнительные инструменты. Развернулась широкая приватизация предприятий-природопользователей, практически полностью либерализовалась внешнеэкономическая деятельность. В этих условиях целевая природоохранная деятельность достаточно быстро стала утрачивать свои масштабы. Главными становились иные цели и задачи - повышение прибыльности предпринимательства, пополнение бюджетов всех уровней управления и т. д.

Объем настоящей статьи не позволяет провести детальный анализ всех нюансов генезиса за последние почти 30 лет государственного регулирования и управления в области использования природных ресурсов в целом, и охраны ОПС в частности. Поэтому целесообразно ограничиться только основными моментами.

Так, в области правового обеспечения соответствующей деятельности за рассматриваемый период было принято значительное число законодательных актов. Таковым изначально явился Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды». Через 10 лет был принят Федеральный закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ, в который в последующий период были внесены несколько дополнений и уточнений. Характерно, что действующий ныне закон не содержит ни одного упоминания о соответствующих статистических наблюдениях; содержатся лишь требования по различного рода «учетам», «мониторингам», «проведениям оценок», «контролю» и т. п.

В части реализации конкретных целей и решения аналогичных задач Правительство России принимало различные Государственные программы Российской Федерации, например «Воспроизводство и использование природных ресурсов», «Развитие лесного хозяйства» на 2013-2020 годы» и др. В составе этих программ имелись и продолжают сохранятся подпрограммы по специфическим аспектам природопользования и охраны природы, например такие, как подпрограммы «Регулирование качества окружающей среды» и «Биологическое разнообразие России» в Государственной программе «Охрана окружающей среды» на 2012-2020 годы». Кроме того, принималась различные федеральные целевые программы (Φ ЦП), как-то: «Чистая вода» (2011-2017 гг.), «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012-2020 годы», «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012-2020 годы» и т. п.

Выполнение этих и других программ по установленным в них показателям (индикаторам) в целом реализовывалось. Однако система такого рода учета и статистического отражения, осуществляемая в подавляющей степени профильными министерствами и ведомствами природно-ресурсного/природоохранного блока, вызывала и продолжает вызывать много серьез-

ных вопросов. Это касается как полноты охвата соответствующей информации, так и ее надежности и объективности.

Основной заслугой 1990-х годов и первых лет XXI века можно считать то, что удалось до некоторой степени сохранить от полной ликвидации основные организационные элементы статистики ОПС, обеспечить элементарную сопоставимость определенной части ранее накопленной информации с вновь поступающими данными.

К числу достижений, правда имеющих неполный и не до конца решенный характер, можно отнести постепенное формирование статистики обращения с отходами производства и потребления. Эта сложнейшая подотрасль статистики охраны ОПС во многом была создана заново, хотя некоторый опыт получения и обработки соответствующих данных имелся еще в советское время. Вместе с тем указанная частичная позитивность происходит из-за не до конца определенного предмета статистического наблюдения и нечеткого круга объектов этого наблюдения (то есть из-за неопределенности самого понятия «отходы» и круга предприятий/ организаций-природопользователей плюс домашних хозяйств, подлежащих наблюдению). Такого рода и иные недоработки систематически приводят при анализе обобщенных сведений к слабопонятным результатам как в территориальном, так и в отраслевом разрезе.

К позитивным моментам последних десятилетий следует отнести активное содействие со стороны органов государственной статистики природоохранным, гидрометеорологичесим и другим заинтересованным организациям в решении новационной проблемы: формировании базы для расчетов выбросов в атмосферу «парниковых» газов в рамках обязательств по Киотскому протоколу и посткиотских документов.

В первом и особенно во втором десятилетии XXI века получили некоторое развитие исследования, позволяющие оценить природопользование и охрану ОПС с макроэкономических позиций в рамках СНС и вспомогательной Системы природно-ресурсного и экономического учета (СПЭУ). Этот важнейший сегмент развития статистики ОПС, необходимость

которого не вызывала сомнения и предварительные наработки по которому имелись уже в конце 1980-х годов, к сожалению, был инициирован в современной России во многом не из-за потребностей государственных, научных или общественных органов страны, а в результате международных исследований и запросов международных организаций (прежде всего, ООН, ОЭСР, Евростата, Всемирного банка и др.), давления с их стороны и т. п.

К заслугам отечественной статистики охраны ОПС во втором десятилетии XXI века следует, безусловно, отнести разработку методологии расчета физических объемов природоохранных затрат, то есть величины соответствующих издержек с устранением влияния ценового (инфляционного) фактора. Эта методология была внедрена в российскую практику с ежегодным получением данных по различным статьям и направлениям этих расходов, а также в территориальном разрезе. Аналоги указанной системы достаточно сложных расчетов и оценок имеются в весьма ограниченном числе стран.

В 2017 г. была подготовлена и официально утверждена Комплексная система статистических показателей охраны окружающей среды в Российской Федерации с учетом международных рекомендаций (см. приказ Федеральной службы государственной статистики от 14.11.2017 г. № 754). Эта Система в обновленим и конкретизированном виде существенно облегчает практическую работу с профильными и сопряженными показателями, обеспечивает выход на различные информационные источники и потоки, расширяет возможности соответвующего статистического образования и т. д. 11.

К началу 2018 г. общее количество форм федерального государственного статистического наблюдения (то есть официально утвержденных Росстатом) с преимущественной природно-ресурсной и природоохранной направленностью показателей составило, по оценкам автора статьи, примерно 50 единиц. Из их числа в системе Росстата разрабатывалось, то есть собиралось, проверялось и обобщалось, около 20 форм¹².

В составе указанных 50 форм статистических наблюдений, собираемых как органами

¹¹ Указанная Комплексная система представлена на портале Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/environment/.

¹² Сюда не входят формы статистического наблюдения, утвержденные различными министерствами и ведомствами (ведомственная отчетность). В частности, очень большой объем информации собирается и обрабатывается в системе Федеральной службы лесного хозяйства (Рослесхоза). Также сюда не включаются информационные потоки, функционирующие в рамках Минфина России в области соответствующего налогообложения, исполнения бюджетов различных уровней государственного управления и т. п.

государственной статистики, так и иными структурами, менее 30 форм можно отнести собственно к природоохранной/природосберегающей тематике или весьма близким к ней вопросам. Остальные 20 форм федерального статистического наблюдения касались общих вопросов наличия и движения различных природных ресурсов и их использования. Сбор и обработка данных по этим 20 формам практически полностью сконцентрированы в системе Росводресурсов, Росприроднадзора, Росреестра, Росрыболовства и других организаций.

Что касается статистических итогов природоохранной и природосберегающей деятельности последних десятилетий, то она имеет далеко неоднозначный характер. С одной стороны, в 1991-2017 гг. воздействие на природу в Российской Федерации по значительному числу параметров ощутимо уменьшилось. В частности, это сокращение может быть охарактеризовано следующими узловыми показателями, рассчитанными или примерно оцененными в экспертном порядке на основе официальных данных¹³:

- забор воды из природных объектов на все нужды - на 40%;
- выбросы вредных веществ в атмосферу от стационарных источников почти на 50%;
- выбросы вредных веществ в атмосферу от автотранспорта на 25-30%;
- сброс загрязненных сточных вод в природные водоемы примерно на 25-30%.

С другой стороны, давление на окружающую природную среду со стороны антропогенной деятельности в Российской Федерации по ряду индикаторов возросло. Например, объем вывоза твердых бытовых отходов, ТБО (по современной терминологии - твердых коммунальных отходов, ТКО) из городов и поселков увеличился за рассматриваемый период в 2,4 раза; при этом резко возрос объем неутилизированных (не использованных) и несожженных (не уничтоженных) отходов, поступивших на полигоны и свалки. Площадь земель, нарушенных в результате промышленной, строительной, геологоразведочной и иной деятельности, возросла примерно на 7-8% и т. д.

Можно отметить, что вышеуказанное снижение негативной нагрузки на ОПС по ряду параметров в значительной степени произошло

не из-за рационализации природопользования и расширения масштабов природоохранной деятельности как таковых, а определялись структурными подвижками и иными факторами, лишь косвенно связанными или вообще не связанными с решением задач по охране ОПС.

Результаты самого общего анализа показывают, что увеличение выпуска продукции, производство которой сопряжено с особо значительным воздействием на ОПС, в 2016-2017 гг. по сравнению с концом 80-х - началом 90-х годов прошлого века в России наблюдается по относительно небольшой группе товаропродуктов, в частности по нефти, минеральным удобрениям, шинам для легковых и грузовых автомобилей, целлюлозе, синтетическим смолам и пластмассам и др. По многим видам аналогичных товаров уровень выпуска в 2016-2017 гг. был весьма близок или почти равен показателям конца 1980-х - начала 1990-х годов. Сюда входит, например, производство электроэнергии, угля, чугуна, готового проката черных металлов, легковых автомобилей и ряда иных товаров.

Вместе с тем по обширной номенклатуре продукции, выпуск которой связан с существенным негативным воздействием на ОПС, объемы производства в последние годы значительно отстают от базисного уровня, то есть периода конца 80-х - начала 90 годов XX века. К этой группе относятся такие товары, как сталь (примерно на 20% меньше), чугун и природный газ (более чем на 10%), серной кислоты (на 9-10%), химических волокон и нитей (почти на 70%), цемента (на треть), каустической соды (на 50% меньше). Очень большое сокращение производства произошло по многим товарам машиностроения, как-то: металлорежущим станкам, шариковым и роликовым подшипникам, экскаваторам и бульдозерам (на 90-95% меньше), тракторам (на две трети), грузовым автомобилям (почти на 80% меньше) и т. п.

Приведенные тенденции не могли не оказать разнородные и разновекторные воздействия на динамику водопользования, выбросы вредных веществ в атмосферный воздух, на образование и размещение отходов производства в ОПС и т. п. Однако выявить конкретные параметры воздействия изменения объемов производства

¹³ Как уже отмечалось выше, период с середины 1980-х годов, и тем более с начала 1990-х годов, в области организации учета и проведения статистических наблюдений произошли определенные изменения методологического, организационного и иного порядка. Это в известной степени затрудняет непосредственные сопоставления данных в динамике и вынуждает в ряде случаев осуществлять экспертные оценки.

на увеличение, стабилизацию или снижение негативного воздействия на ОПС в целом по стране в нынешних условиях далеко не всегда возможно. В самом общем виде можно утверждать, что наряду с динамикой производства той или иной группы товаров, необходимо учитывать также изменение их структуры, характера и особенностей технических подвижек в соответствующем выпуске, в частности внедрения простой сборки импортных деталей вместо полного цикла производства, изменения структуры сырья и/или полуфабрикатов, замены одного вида топлива на другой его вид и т. п.

Например, при общем сокращении выплавки стали в стране, особо быстрыми темпами снижалось ее производство мартеновским способом - наиболее «экологически грязным». Если в 1990 г. доля мартеновской стали от общей выплавки стали всеми методами составляла более 50%, то в 2016-2017 гг. она сократилась до примерно 2%. В 1989-1990 гг. уровень полезного использования попутного нефтяного газа составлял порядка 77-78% от объема его получения; остальная часть сжигалась в факелах без использования энергии или просто выпускалась в атмосферу. В 2016-2017 гг. указанная доля равнялась уже 87-88%. Имеется целый ряд иных инновационных и положительных решений общего производственного характера, которые способствовали существенному снижению негативной нагрузки на ОПС, с одной стороны, и повышению экономической эффективности (рационализации) природопользования - с другой.

Параллельно с вышеприведенными сведениями необходимо отметить также, что в 1991-2017 гг., в отличие от предшествующих периодов, весьма существенно уменьшились затраты на охрану ОПС и рациональное использование природных ресурсов, исчисленные в сопоставимых ценах. Естественно, что непредвзятые и теоретически обоснованные сравнения стоимостных характеристик за столь длительные промежутки времени в любой отрасли социально-экономической статистики и в любой стране являются весьма сложной задачей. Это определяется не только правильным выбором и оперированием ценовыми параметрами, но и необходимостью учета происшедших технических, а также мини-, средне- и макроструктурных изменений плюс иных факторов. В этой связи, по мнению автора настоящей статьи,

можно с высокой степенью вероятности утверждать, что величина инвестиций в основной капитал (капиталовложений), направленных в охрану ОПС и рационализацию природопользования, в 2016-2017 гг. составляла, по самому оптимистическому из полученных итоговых вариантов расчетов, менее половины от физического объема указанных затрат в 1990 г.

Противоречивость и парадоксальность ситуации, сложившейся с начала 90-х годов и во многом сохраняющаяся в современной России, наблюдается по многим аспектам. Например, объем промышленной заготовки и вывозки древесины с мест ее непосредственной вырубки в 2009 г. по сравнению с 1990 г. сократился в три раза и оказался на уровне примерно середины 30-х годов XX века. С 2010 г. методология статистического учета промышленного лесопользования изменилась (главным показателем стало производство древесины необработанной). Тем не менее есть все основания утверждать, что рост соответствующего показателя после 2010 г. был относительно небольшим; по оценке, объем такого рода лесопользования в 2017 г. составляет значительно меньше половины от показателя 1990 г.

При таком резком свертывании официальной заготовки лесной древесины стремительно увеличилась ее незаконная вырубка с последующим вывозом во многих случаях за границу необработанного «круглого» леса. Характерно, что по официальным сведениям Прокуратуры страны, количество зарегистрированных преступлений по ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» УК Российской Федерации в 2017 г. составило 14,4 тыс., что в 2,5 раза больше уровня только 1999 г. С учетом огромной латентности соответствующей информации фактические объемы незаконных лесозаготовок составляют очень большие величины. Одновременно с 1990 по 2017 г. практически наполовину сократились объемы антропогенного, то есть искусственного, проводимого человеком лесовосстановления путем посева семян и/или высадки соответствующих саженцев, а также путем содействия естественному лесовосстановлению.

Если говорить о главных недостатках последних десятилетий, то на наш взгляд, в основном они определяются отнюдь не недоработками и/или ошибками органов государственной статистики страны, а общим пониженным уровнем востребованности надежной учетно-статистиче-

ской информации при стратегическом планировании политики и текущем управлении (регулировании) природоохранной и природосберегающей деятельностью. По сведениям, имеющимся у автора настоящей статьи, в последние 20-25 лет в системе Минприроды России (включая его предшественников, а также в подведомственных агентствах и службах) не было проведено не только ни одного сколько-нибудь крупного межрегионального и межотраслевого совещания, но даже заседания коллегий, посвященных комплексу вопросов учетно-статистического обеспечения проводимой работы, достоверности получаемой информации и т. п. Судя по всему, эти вопросы в слабой степени интересуют работников данных органов государственного управления.

Во многих случаях недостатки проистекают из-за неполной компетенции в вопросах статистики. Например, ошибки, искажающие реальную картину природоохранного/природосберегающего инвестирования в основной капитал, содержатся в Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации «Экологические приоритеты для России», подготовленном Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации (можно сказать, мозговым центром госуправления страны) в 2017 г. 14. В таблице, отражающей динамику этих капиталовложений «в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году (выделено мной, - А.Д.)», соответствующая цифра за 2010 г. равняется 0,7%, за 2011 г. - -1,3, в 2013 г. - 0,7, в 2016 г. - -13,4%. Получается, что только за 2010 или 2013 гг. реальные объемы инвестиций уменьшились более чем в сто раз (!) по сравнению с 2009 и 2012 гг. соответственно. На самом деле, по сведениям Росстата, на которые дается ссылка к указанной таблице, приведенные данные составляют: в 2010 г. - 100,7%; в 2011 г. - 98,7; в 2013 г. - 100,7; в 2016 г. - 86,6%. То есть в 2010 г. и 2013 г. имело место отнюдь не огромное сокращение, а наблюдался пусть и небольшой, но рост. В данном случае налицо элементарное непонимание отличий темпов роста от темпов прироста. На наш взгляд, такого рода ошибки в принципе недопустимы в документах столь высокого уровня.

В целом ряде случаев наблюдается недостаточное понимание внутренней сути предлагаемых к внедрению показателей и отсутствие их надлежащего обсуждения, причем порой

на достаточно высоком уровне. В частности, Указом Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 была принята Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. Контроль за ее реализацией, согласно п. 29 этого директивного документа, должен осуществляться «путем определения оптимальных значений индикаторов (показателей) состояния экологической безопасности и оценки достижения этих значений». Всего в этой Стратегии предусмотрено 18 ключевых индикаторов; первым, то есть, по сути, самым главным среди них является показатель «доля территории Российской Федерации, не соответствующей экологическим нормативам, в общей площади территории Российской Федерации» (см. п. 28a Стратегии).

К сожалению, имеются серьезные основания утверждать, что этот индикатор полностью не показателен, в том числе в силу своей априорной неопределенности, а также очень большой сложности и затратности получения по нему сколько-нибудь объективной и проверяемой информации. Более того, над выяснением конкретной сущности, структуры и содержания данного индикатора в принципе придется работать не один год, а над организацией получения качественной информации по этому индикатору - не один десяток лет.

Во-первых, частных показателей, характеризующих те или иные аспекты негативного воздействия на ОПС и отражающих уровень рациональности использования ее ресурсов, имеется великое множество. Остается во многом непонятным, как статистически корректно следует осуществлять их интегрирование. По значительному их числу существуют соответствующие «экологические» нормативы. Однако по очень многим индикаторам такие нормативы или отсутствуют, или проверка их выполнения в статистически репрезентативной форме весьма затруднена по объективным и субъективным причинам.

Во-вторых, даже если ограничиться несколькими группами отдельных показателей и нормативов, то все равно возникает масса вопросов и противоречий при построении вышеупомянутого интегрально-территориального индикатора. В частности, в настоящее время мониторинг загрязненности атмосферного воздуха осущест-

¹⁴ URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/15600.pdf. (см. стр. 119).

вляется системами Росгидромета и Роспотребнадзора, а также рядом других служб преимущественно в городах и крупных промышленно-транспортных центрах. Что происходит за их пределами, то есть какова концентрация загрязняющих веществ в воздушном бассейне вне данных городов и центров, известно достаточно слабо. Средств и сил у указанных органов порой не хватает даже на организацию перманентного и качественного мониторинга атмосферного воздуха в местах проживания основной массы городского населения. Кроме того, даже в черте какого-либо одного города весьма затруднительно четко определить площадь территории, на которой реально и систематически имеет место превышение фактического загрязнения по тем или иным веществам по отношению к их максимально-разовой и/или среднесуточной предельно-допустимой концентрации.

Примерно аналогичная картина складывается применительно к загрязненности водных объектов (включая реки) и сколько-нибудь точному определению их площади, где не соблюдаются соответствующие «экологические» нормативы. Например, множество пунктов гидрохимического контроля Росгидромета, расположенные вдоль русла реки Волги, вряд ли способны ответственно и доказательно определить площадь участков этого русла, по которым протекает речная вода и на которых превышаются рассматриваемые нормативы, в том числе выше и ниже по течению реки, относительно какого-либо конкретного поста.

Еще более парадоксальная ситуация имеет место применительно к отходам производства и потребления. Вряд ли в каком-либо регионе страны существуют некие «экологические» нормативы на накопление выбрасываемого мусора на откосах и в кюветах автомобильных или железных дорог. Тем не менее мусор здесь систематически накапливается, в чем нетрудно визуально убедиться в момент схода снега весной и до зарастания этих откосов и кюветов травой. В любом случае практически невозможно определить некую «площадь» таких участков.

Имеется также целый ряд других трудно разрешимых или практически неразрешимых в нынешних реалиях проблем. В результате, организация сколько-нибудь надежного контроля выполнения первого и главного показателя Стратегии экологической безопасности страны потребует огромных организационных,

методологических, технических и иных усилий с весьма неопределенным результатом и еще более неопределенными сроками реализации на практике всей этой системы наблюдений.

Краткие выводы и предложения

Как можно заметить из всего представленного выше материала, учет и статистическое отражение природных ресурсов, природопользования, а также негативного воздействия на окружающую природную среду и ее охраны имели длительную и непростую предысторию. Были периоды убыстренного (прорывного) развития; были этапы ошибочных решений, стагнации или даже спада.

Период с начала 1990-х годов подтвердил то, что недооценка учета и статистики оказывает однозначно негативное воздействие на ход и результаты государственного управления в рассматриваемой области. Точно также подтвердилось, что практическая организация учета и статистики требует необходимого миниммума материальных, финансовых и трудовых ресурсов. «Дешевые» учет и статистика могут выдавать только цифры, которым «грош цена».

Существующие ныне недостатки российской статистики ОПС требуют оперативного устранения. Эта отрасль статистики должна занять подобающее место в общем информационном обеспечении управления экономикой и социальной сферой страны. Другими словами, дальнейшее укрепление общегосударственного регулирования природно-ресурсной и природоохранной сферы будет во многом зависеть от восстановления роли статистики ОПС в деятельности министерств и ведомств природно-ресурсного/природоохранного блока, правильности ее организации, адекватности реальным проблемам и способности оперативно содействовать их решению. Необходимо также отметить, что меры, принимаемые по усилению правового подхода в управлении экономикой в целом, и придодопользованием, включая охрану ОПС, в частности, при отсутствии надежной статистической базы, лежащей в основе принимаемых решений, и при отсутствии статистической проверки выполнения этих решений превращаются в бумажную риторику.

Результативность проводимых статистических исследований зависит не только от достоверности первичных сведений, но и от профес-

сионализма работников управления, научных сотрудников, представителей общественных организаций, так или иначе анализирующих, использующих в своей работе или озвучивающих полученные данные. Точно также требуются элементарные исторические знания о формировании как самой природно-ресурсной и природоохранной политики в стране, так и генезиса ее учетно-статистической поддержки. Это поможет избежать зачастую звучащих и неадекватных по существу утверждений вновь назначенных руководителей, что якобы «ранее ничего в этой области не делалось» и т. п. Более того, элементарные исторические знания помогли бы избежать повторения ранее сделанных ошибок.

В ходе формирования оптимальной по затратам и результатам природно-ресурсной и природоохранной политики невозможно не учитывать мировой опыт; однако использование его должно иметь творческую основу. Все это касается в том числе статистики ОПС. Иначе говоря, в прикладном плане сравнительному анализу подлежат как позитивные итоги зарубежных наработок, так и отрицательные результаты. Более того, опыт последних десятилетий применительно к статистике показал, что ссылки на международные рекомендации, как на абсолютный критерий, зачастую не адекватны практическим реалиям. Эти рекомендации могут включать ошибочные, непродуктивные и/или априори нереализуемые в отечественных условиях предложения.

Имеются также еще два условия нормального существования любой статистики, в том числе статистики ОПС. Речь идет, во-первых, о недопустимости оказания давления на орган, занимающийся сбором, обработкой и изучением статистической информации, включая сведения природно-ресурсного и природоохранного характера. Во-вторых должна быть создана обстановка элементарной ответственности юридического или физического лица

за озвучивание каких-либо неофициальных данных или за комментарий к официальным данным, включая оценку их качества, и т. п.

Относительно первого условия следует исходить из того, что объективность статистики требует ее определенной независимости от каких-либо директивных указаний. Попытки влиять на статистику «сверху» и «снизу» в форме прямого навязывания цифр происходили на протяжении всей ее истории¹⁵. Однако такого рода грубые приемы были и остаются исключением. Все обстоит гораздо проще - порой создавалась обстановка, при которой происходила максимальная концентрация официально публикуемой отчетной информации на хозяйственных и социальных достижениях при минимизации сведений для широкой общественности о негативных тенденциях и недостатках. Имели место и зеркально противоположные явления - целенаправленный поиск отрицательных фактов и соответствующей статистической информации плюс сугубая концентрации внимания на негативных данных при полном или почти полном игнорировании для той же общественности реальных достижений. Разумеется ни то, ни другое не имело и не имеет ничего общего с объективным статистическим анализом¹⁶.

По второму условию целесообразно отметить следующее. Итоги последних десятилетий подтвердили необходимость не только независимой статистики, но и обязательной ответственности комментаторов-аналитиков при обращении с цифровыми материалами, о чем уже говорилось выше. Такую ответственность - хотя бы в моральном плане - должны нести не только уполномоченные государственные органы. Сюда также относятся независимые юридические и физические лица, а также представители СМИ, осуществляющие в инициативном порядке какие-либо расчеты. Озвучивая приватные оценки, соответствующие лица обязаны кратко пояснять, откуда получена исходная информация и/или как рассчитаны обобщенные данные, то есть на

¹⁵ Еще в начале XIX века один из организаторов государственной статистики в Российской империи, первый руководитель отечественной статистической службы и выдающийся ученый К.Ф. Герман отмечал, что «официальные сведения имеют тот недостаток, что они обнародываются для известной предполагаемой цели и обнародываются ... согласно достижению оной» [29, с. 177]. Не менее характерно замечание Д.П. Журавского, сделанное в 1846 г.: «Смотря как политики ... употребляют ныне статистические числа на подкрепление своих, заранее составленных мнений и парадоксов, можно подумать, что статистика не что иное, как арсенал цифр, к услугам каждого, годных для доказательства рго и contra, чего кому нужно» [2, с. 8]. См. также начало настоящей статьи с материалами первого номера восстановленного в 1948 г. журнала «Вестник статистики».

¹⁶ В настоящее время трудно определить, какой именно подход - безудержные дифирамбы или алармистское пугало - нанесли наибольший вред делу охраны ОПС в стране, то есть какой из них хуже. В принципе, используя слова классика, можно сказать, что они «оба хуже», - А.Д.

чем основана их статистическая и методологическая корректность.

Нарушение указанных условий неизбежно приведет к дискредитации любой статистики (официальной и неофициальной), падению доверия к ней со стороны государственных органов, предпринимательских структур, научных организаций, зарубежных пользователей, и тем более широких слоев населения России.

Литература

- 1. **Морозова Е.В.** Учет лесных ресурсов: история и современное состояние // Аудит и финансовый анализ. 2010. $\mathbb{N}$ 6.
- 2. Объ источикахъ и употреблении статистическихъ св деній. Сочинил Д.П. Журавский. Кіевъ, въ Типографіи І. Вальнера, 1846 г. (препринтное издание с современной орфографией. М.: Госпланиздат, 1946).
- 3. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах / [Соч.] Ю. Янсона, проф. С.-Петерб. ун-та. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1877.
- 4. Статистический словарь / Гл. ред. А.И. Ежов.М.: Статистика, 1965.
- 5. **Кривичев А.И.**, **Максимов Ю.И.**, **Сидоренко В.Н.** Земельные переписи в Российской империи (на примере северных губерний) // Науковедение (интернетжурнал). 2014. № 6. С. 1-17.
- 6. История советской государственной статистики. 2-е изд., перераб. и доп. Ред. комис. в составе А.И. Ежова, С.М. Гуревича и др. М.: Статистика, 1969.
  - 7. Деловой экологический журнал. 2004. № 1.
- 8. Столетіе учрежденія Леснаго Департамента: 1798-1898. С.-Петербургъ, типолитографія Ю.Я. Римана, Виленский пер, 1898 (репринтное издание 1997 г.).
- 9. Свод законов Российской империи [Текст]: Т. VIII. Ч. 1: Устав лесной. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.
- 10. **Страхов В.В., Писаренко А.И.** О реформе лесоустройства в России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 3. С. 23-34.
- 11. Думнов А.Д., Максимов Ю.И., Рошупкина Ю.В., Аксенова О.А. Лесные пожары в Российской Федерации (Статистический справочник)/Под ред. А.Д. Думнова и Н.Г. Рыбальского. М.: НИА-Природа, 2005.
- 12. **Гайва Е.** Наломали дров // Российская газета. 13.09.2018.
- 13. Законодательство Петра І. М.: Юридическая лититература, 1997.
- 14. Справочная книга для фабрикантовъ, заводчиковъ и владельцевъ промышленныхъ заводовъ.

- Составилъ по офиціальнымъ даннымъ, опубликованнымъ по 1 ноября 1887 г. В.П. Алексеевский. М.: Издание книжн. магазина М.В. Клюкина, 1898.
- 15. **Думнов А.Д., Родин В.А.** Статистика загрязнения, состояния и охраны атмосферного воздуха в России: краткий обзор и комплексный анализ // Вопросы статистики. 2012. № 7. С. 22-44.
- 16. Рыбальский Н.Г., Муравьева Е.В. К 100-летию государственных заповедников России // Природноресурсные ведомости. 2017. № 1.
- 17. **Штильмарк Ф.Р.** Заповедники в годы войны // Охрана дикой природы. 2005. № 2.
- 18. **Стародубцева Е.А., Ромашова Н.Б.** В лесу прифронтовом // Природно-ресурсные ведомости. 2010. № 5.
- 19. **Думнов А.Д., Рыбальский Н.Г., Борисов С.С.** и др. Особо охраняемые природные территории Российской Федерации/Стат. сборник. Под ред. А.Д. Думнова и Н.Г. Рыбальского. М.: НИА-Природа, 2003.
- 20. **Апарин Б.Ф.** Докучаевский план преобразования природы // Природно-ресурсные ведомости. 2011. № 1-2.
- 21. Думнов А.Д. Статистика окружающей природной среды: история и современность // Вопросы статистики. 2008. № 3. С. 5-18.
- 22. **Казанская Е.** Статистика окружающей среды // Вестник статистики. 1974. № 10. С. 15-20.
- 23. Из воспоминаний Л.М. Володарского, опубликованных в газете «Правда» от 31.07.1984. Цит. по журналу «Socialism: Theory and Practice». 1985. $\mathbb{N}_2$ 6. P. 54-55.
- 24. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России / Рук. авт. колл. Н.Ф. Глазовский; отв. ред. Г.В. Сдасюк, Л.С. Мокрушина. М.: КМК, 2002.
- 25. Россия может стать центром экологического возрождения // Финансовые известия. 17-23.03.1994.
- 26. Иного не дано / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.
- 27. Экономика и жизнь. 1992. № 1, рубрика «Что год грядущий нам готовит?».
- 28. **Явдюк Н.** Сталкер // Московский комсомолец. 05.02.1992.
- 29. **Святловскій В.** Къ исторіи политической экономіи и статистики в Россіи/Сборник статей. С.-Петерб., книгоиздательство «Начало», 1906.

Информация об авторе

Думнов Александр Дмитриевич - д-р экон. наук, доцент, главный научный сотрудник Национального информационного агентства «Природные ресурсы». 142784, г. Москва, г. п. Московский, Бизнес-парк «Румянцево», оф. 352-Г. Е-mail: a.dumnov@mail.ru.

References

- 1. **Morozova E.V.** Accounting for Forest Resources: History and Current State. *Audit and Financial Analysis*. 2010;(6). (In Russ.)
- 2. **Zhuravsky D.P.** Volume of Sources and Use of Statistical Data. Kiev: Printing houses of Walner I.; 1846 (Preprint edition with modern spelling. Moscow: Gosplanizdat Publ.; 1946). (In Russ.)
- 3. **Yanson Yu**. Experience of Statistical Research on Peasant Holdings and Payments. Saint-Petersburg: Printing houses of Stasyulevich; 1877. (In Russ.)
- 4. Ezhov A.I. (ed.) Statistical Dictionary. Moscow: Statistics Publ.; 1965. (In Russ.)
- 5. Krivichev A.I., MaksimovYu.I., Sidorenko V.N. Land Censuses in the Russian Empire (on the Example of the Northern Provinces). *Naukovedenie (online journal)*. 2014;(6):1-17. (In Russ.)
- 6. Ezhov A.I., Gurevich S.M. et al. (eds.) History of Soviet State Statistics. Second Edition, Revised and Add. Moscow: Statistics Publ., 1969. (In Russ.)
  - 7. Business Ecological Journal. 2004;(1). (In Russ.)
- 8. Centennium of the Establishment of the Forest Department: 1798-1898. Saint Petersburg: Typolithography of RimanYu.Ya.; 1898. (1997 reprint). (In Russ.)
- 9. The Code of Laws of the Russian Empire, Vol. VIII. Part 1: Forest Charter. Saint Petersburg: Russian Book Partnership «Deyatel»; 1912. (In Russ.)
- 10. **Strakhov V.V., Pisarenko A.I.** On Forest Management Reform in Russia. *Use and Protection of Natural Resources in Russia*. 2010;(3):23-34. (In Russ.)
- 11. Dumnov A.D., Maksimov Yu.I., Roshchupkina Yu.V., Aksenova O.A. Dumnov A.D., Rybalsky N.G. (eds.) Forest Fires in the Russian Federation (Statistical Handbook). Moscow: NIA-Priroda Publ.; 2005. (In Russ.)
- 12. **Gaiva E.** Broke firewood. *Rossiyskaya Gazeta*. 13.09.2018. (In Russ.)
- 13. Legislation of Peter I. Moscow: Jurid. Lit. Publ.; 1997. (In Russ.)
- 14. **Alekseevsky V.P.** Reference Book for Manufacturers, Businessmen and Owners of Industrial Plants. Compiled by the

- Official Data, Published on November 1, 1887. Moscow, The edition of the book store of Klyukin M.V.; 1898. (In Russ.)
- 15. **Dumnov A.D., Rodin V.A.** Statistics of Pollution, State and Protection of Atmospheric Air in Russia: A Brief Overview and a Comprehensive Analysis. *Voprosy statistiky*. 2012;(7):22-44. (In Russ.)
- 16. **Rybalsky N.G., Muravyov E.V.** To the 100th Anniversary of the State Reserves of Russia. *Prirodno-resursnie vedomosty*. 2017;(1). (In Russ.)
- 17. **Shtilmark F.R.** Nature Reserves During the War. *Ohrana dikoiy prirody*. 2005;(2). (In Russ.)
- 18. **Starodubtseva E.A., Romashov N.B.** In the Forest Near the Front. *Prirodno-resursnie vedomosty*. 2010;(5). (In Russ.)
- 19. **Dumnov A.D., Rybalsky N.G., Borisov S.S.,** et al. Dumnov A.D., Rybalsky N.G. (eds.) Specially Protected Natural Territories of the Russian Federation (Statistical compendium). Moscow: NIA-Nature Publ.; 2003. (In Russ.)
- 20. **Aparin B.F.** Dokuchaevsky Plan for the Transformation of Nature. *Prirodno-resursnie vedomosty*. 2011;(1-2). (In Russ.)
- 21. **Dumnov A.D.** Statistics of Environment: History and Modernity. *Voprosy statistiki*. 2008;(3):5-18. (In Russ.)
- 22. **Kazanskaya E.V.** Environmental Statistics. *Vestnik statistiki*. 1974;(10):15-20. (In Russ.)
- 23. As Recollected by L.M. Volodarsky, Published in the Pravda Newspaper Dated 07.31.1984. *Socialism: Theory and Practice*. 1985;(6):54-55.
- 24. Glazovsky N.F.; Sdasyuk G.V., Mokrushina L.S. (eds.) Transition to Sustainable Development: Global, Regional and Local Levels. Foreign Experience and Problems of Russia. Moscow: KMK Publ.; 2002. (In Russ.)
- 25. Russia Can Become a Center For Environmental Revival. *Finansovie izvestiya*. 17-23.03.1994. (In Russ.)
- 26. AfanasyevYu.N. (ed.) No Other Way is Given. Moscow: Progress Publ.; 1988. (In Russ.)
- 27. Economy and Life, Heading «What Does the Coming Year Prepare for Us?». 1992;(1). (In Russ.)
- 28. **Yavdyuk N.** The Stalker. *Moskovsky komsomolets*. 05.02.1992. (In Russ.)
- 29. **Svyatlovsky V.** The History of Political Economy and Statistics in Russia. Collection of articles. Saint-Petersburg; «Nachalo» Publ.: 1906. (In Russ.)

About the Author

Aleksandr D. Dumnov - Dr. Sci. (Econ.), Docent, Principal Researcher, National Information Agency «Natural Resources». Office № 352 G, 2 building, Business Center «Rumyancevo», GP Moskovskiy, Leninskiy raion, Moscow Oblast, Russia, 142784. E-mail: a.dumnov@mail.ru.